САМОДЕРЖАВІЕ

И

НАРОДОВЛАСТІЕ.

Профессора Московской Духовной Академіи

А. Д. БѢЛЯЕВА.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1906.

САМОДЕРЖАВІЕ

И

НАРОДОВЛАСТІЕ.

Профессора Московской Духовной Академіи

А. Д. БѢЛЯЕВА.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1906.

Печатать разрѣшается. Декабря 2 дня, 1906 г.
Ректоръ Академіи Епископъ *Евдокимъ*.

172
37

I.

Взглядъ на самодержавіе епископа Θеофана и Н. Θ. Θедорова.

Въ настоящее тревожное время люди очень много говорятъ, очень много пишутъ о текущихъ событіяхъ, о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Но понять вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, высказать безпристрастное, объективное сужденіе о событіяхъ и дѣйствующихъ лицахъ, сказать правду и только правду теперь труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Время теперь смутное, устои мысли и жизни поколеблены и пошатнуты, люди выбиты изъ обычной колеи, и множество людей не знаютъ, какъ отнестись къ событіямъ, что думать и дѣлать, куда идти, за кѣмъ идти, кому вѣрить, кого считать друзьями и кого врагами, кого поддерживать, кому противодѣйствовать. Производится переоцѣнка и перестройка сложившагося уклада жизни и привычныхъ взглядовъ. Оглянуться на себя, взвѣсить и оцѣнить недостатки сложившагося строя жизни и изыскать надлежащія средства къ ихъ устраненію—дѣло хорошее, но трудное. Начинается разноголосица, въ которой не легко разобраться. Растерянность мысли, неувѣренность въ оцѣнкахъ, колебанія въ избраніи пути для дѣятельности усиливаются отъ смутности времени. Тревоги и ужасныя бѣдствія, переживаемыя Россіей вотъ уже три года, нависшія всюду опасности, забастовки, насилія, грабежи, убійства, разореніе, ожиданіе бѣдствій въ будущемъ, неувѣренность даже въ завтрашнемъ днѣ, ослабленіе уваженія къ власти и къ закону, упадокъ порядка, дерзость однихъ, малодушіе другихъ—все это сдѣлало людей нервными, безпокойными, люди какъ-то растерялись. Въ такомъ положеніи затруднительно жить спокойно, мыслить

здраво, говорить обдуманно и трезво. Неожиданный, быстрый, рѣзкій и крутой переходъ отъ стѣсненій къ свободѣ подѣйствовалъ на многихъ, какъ угаръ на голову. Свобода хороша, но люди, не привыкшіе къ ней, не знаютъ, какъ ею пользоваться, какъ и что дѣлать при новомъ порядкѣ вещей; мысли ихъ разбредаются; люди мечутся туда и сюда, какъ угорѣлые, какъ больные головой. Въ смутное время смута въ умахъ и разстройство въ дѣлахъ усиливаются отъ дѣйствія разныхъ побочныхъ причинъ. Пользуясь разстройствомъ порядка, слабостію власти, упадкомъ законности, многіе подъ шумомъ сводятъ свои личные счеты, иные не упускаютъ благопріятнаго случая ловить рыбу въ мутной водѣ, иные, наконецъ, въ партійныхъ интересахъ изливаютъ цѣлые потоки завѣдомой лжи въ печати, а изустно распускаютъ лживые слухи, клеветы, чтобы очернить тѣхъ или иныхъ лицъ, подорвать довѣріе къ тѣмъ или другимъ мѣропріятіямъ и усилить смуту. Въ особенности революціонеры, какъ извѣстно, не пренебрегаютъ никакими, даже самыми гнусными, средствами, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей.

Въ смутное время даже и не ищущимъ своихъ личныхъ или сословныхъ выгодъ, не причастнымъ и къ партійной борьбѣ, не легко разобраться въ кипучемъ круговоротѣ мыслей, дѣйствій и событій, по достоинству оцѣнить совершающееся движеніе въ цѣломъ и въ разнообразныхъ проявленіяхъ его, сказать отрезвляющее слово, да сказать такъ, чтобы оно было услышано, правильно понято, хорошо оцѣнено и принесло пользу. Не легко и имъ сказать то, что всего нужнѣе и полезнѣе для русскаго народа въ настоящее тяжелое время,—не легко потому, что и они волей-неволей охвачены круговоротомъ движенія, объяты его пламенемъ, взволнованы, встревожены, смущены, обрадованы, или опечалены, а потому не могутъ, не имѣютъ силъ отнестись къ нему объективно, спокойно, безпристрастно. На цѣломъ народѣ оправдывается поговорка: „Кого Богъ захочетъ наказать, умъ отниметъ“.

Въ такіе дни полезно вспомнить слова людей, уже умершихъ, писавшихъ въ спокойное время, особенно людей, отличавшихся силою ума, проницательнымъ взглядомъ, ученостію, твердыми правилами, святостію жизни, идеализмомъ умственныхъ и нравственныхъ требованій, людей, у которыхъ

возвышенное ученіе было согласно съ ихъ праведною жизнію, было отраженіемъ ихъ чистой души.

Въ послѣдніе смутные дни не только революціонеры, но даже и умѣренные либералы усиленно восхваляли народовластіе или демократію, а, съ другой стороны, столь же настойчиво, иногда и рѣзко, порицали сначала бюрократію или власть чиновниковъ, административныя власти, назначенныя правительствомъ, а потомъ и монархическій образъ правленія, особенно самодержавіе или неограниченную монархическую власть. Многіе всего годъ или два года тому назадъ, повидимому, и не думали быть приверженцами народовластія; не слышно было отъ нихъ ни восхваленія, ни даже вообще благосклонной оцѣнки демократическихъ республикъ—Швейцарской, Французской, Американской. А теперь они восхваляютъ народовластіе и порицаютъ самодержавіе, и даже вообще царскую власть.

Можно сказать навѣрняка, что подобные новоявленные политики отдаютъ теперь явное предпочтеніе народовластію предъ царскою властію не вслѣдствіе тщательнаго изученія исторіи, соціологіи, политики, не путемъ долговременнаго и самостоятельнаго труда мысли, а просто увлекаемые духомъ времени, модой, примѣромъ, круговоротомъ ходячихъ идей и теченіемъ событій. Чрезъ нѣсколько времени, при возможномъ поворотѣ теченія жизни въ иную, даже противоположную, сторону, они запоютъ иную пѣсню. Вліяніе стадности всегда велико, а въ смутныя эпохи въ особенности. Подулъ вѣтеръ съ юга—флюгеръ поворачивается клювомъ на сѣверъ; потянетъ вѣтеръ съ сѣвера—и тотъ же флюгеръ повертывается въ противоположную сторону. Въ эпохи, подобныя настоящей, не только высказываются нелѣпые взгляды и лживыя ученія, но и широко распространяются, лишь бы они соотвѣтствовали духу времени.

Охватившее теперь нѣкоторую часть русскаго общества пристрастіе къ народовластію и нерасположеніе къ монархическому образу правленія побуждаютъ насъ напомнить читателямъ взглядъ на царскую власть и на власть народную выдающагося русскаго богослова, глубокаго и проницательнаго мыслителя и подвижника, епископа Ѳеофана (Говорова).

Въ своемъ Толкованіи на второе посланіе къ Солунянамъ,

оцѣнивая различныя мнѣнія о томъ, что разумѣлъ апостолъ подъ *удерживающимъ* явленіе антихриста, Ѳеофанъ по поводу мнѣнія нѣкоторыхъ отцевъ Церкви, видѣвшихъ въ удерживающей антихриста силѣ Римскую имперію, высказываетъ слѣдующія свои соображенія о народовластіи и о царской власти.

„Въ наше время, говоритъ онъ, какой нибудь вѣсъ можно давать подобной мысли развѣ только въ такомъ случаѣ, если подъ Римскимъ царствомъ разумѣть царскую власть вообще, и это такимъ образомъ: царская власть, имѣя въ своихъ рукахъ способы удерживать движенія народныя и, держась сама христіанскихъ началъ, не попуститъ народу уклониться отъ нихъ, будетъ его сдерживать. Какъ антихристъ главнымъ дѣломъ своимъ будетъ имѣть отвлечь всѣхъ отъ Христа, то и не явится, пока будетъ въ силѣ царская власть. Она не дастъ ему развернуться, будетъ мѣшать ему дѣйствовать въ своемъ духѣ. Вотъ это и есть *удерживающее*. Когда же царская власть падетъ, и народы всюду заведутъ самоуправство (республики, демократіи), тогда антихристу дѣйствовать будетъ просторно. Сатанѣ не трудно будетъ подготовлять голоса въ пользу отреченія отъ Христа, какъ это показалъ опытъ во время французской революціи. Некому будетъ сказать veto—властное. Смиренное же заявленіе вѣры и слушать не станутъ. Итакъ, когда заведутся всюду такіе порядки, благопріятные раскрытію антихристовыхъ стремленій, тогда и антихристъ явится. До того же времени подождетъ, удержится...

Можно бы основательно возразить, что народъ самъ будетъ блюсти свою вѣру. Но, какъ уже и впереди говорилось, трудно допустить, чтобы вѣра съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возрастала въ силѣ. Свѣтлыя нѣкоторыхъ писателей изображенія христіанства въ будущемъ пріятно встрѣчать, но не чѣмъ оправдать. Царство Христово благодатное точно расширяется, ростетъ, полнѣетъ, но не на землѣ видимо, а на небѣ невидимо, изъ лицъ, тамъ и здѣсь, въ земныхъ царствахъ, приготовляемыхъ туда спасительною силою Христовою. На землѣ же предуказывается господство невѣрія и зла. Оно видимо расширяется; и когда уже очень возобладаетъ, тогда дѣло будетъ стоять только за началомъ. Подай только кто вліятельный примѣръ, или голосъ сильный, и отступле-

ніе отъ вѣры начнетъ совершаться. Этотъ толчекъ и данъ будетъ антихристомъ. Отсюда можно положить, что удерживающее антихриста есть вмѣстѣ и то, что нѣтъ еще должной подготовки въ людяхъ къ принятію его; перевѣса еще не взяли невѣріе и нечестіе; много еще вѣры и добра въ родѣ человѣческомъ“ [1]).

Это было напечатано въ 1873 году. Не знающимъ жизни епископа Θеофана напомнимъ, что онъ добровольно, ради достиженія высшаго совершенства, отказался отъ всѣхъ земныхъ благъ и преимуществъ—отъ епископской власти, отъ стяжаній, и съ 1866 года подвизался въ Вышенскомъ монастырѣ (Тамбовской епархіи) въ затворѣ, а въ послѣдніе годы жизни осуществлялъ высшій и самый тяжелый подвигъ—молчальничества. Очевидно, для такого человѣка было не возможно, да и не для чего, льстить кому бы то ни было, хотя бы и царю.

Добавимъ еще, что подвизаясь въ затворѣ и пустынномъ уединеніи, удалившись отъ міра, онъ не отградился отъ послѣдняго непроницаемой стѣной, не сталъ слѣпъ и глухъ къ жизни людей, къ ихъ радостямъ и горю, а въ особенности къ дѣлу ихъ спасенія. Совсѣмъ напротивъ: въ пустынѣ онъ писалъ богословскія сочиненія высокаго ученаго достоинства, зорко слѣдилъ за движеніемъ мысли и жизни въ Россіи, велъ обширную переписку и въ своихъ письмахъ людямъ всѣхъ сословій давалъ мудрые духовные совѣты, отвѣчалъ на вопросы, рѣшалъ мучившія людей сомнѣнія, ободрялъ, утѣшалъ, направлялъ на пути правды и добра. Совершенное безкорыстіе побужденій, любовь къ истинѣ, знаніе жизни, — и не мимолетныхъ верхушекъ, а глубокихъ основъ ея,—здравый практическій смыслъ, сильный и обогащенный познаніями умъ, отзывчивое любящее сердце, чистота жизни, исключительное богатство духовнаго опыта, благочестіе и преданность Богу и Христу до самоотверженія—эти рѣдко встрѣчающіяся и по отдѣльности свойства души епископа Θеофана не привлекутъ ли вниманія къ его словамъ со стороны мятущихся теперь русскихъ людей. Не окажутся-ли они спасительнымъ свѣтомъ маяка, отводящимъ

[1]) Бесѣдовательное толкованіе второго посланія къ Солунянамъ. Москва 1873 г. 71—72 стр.

отъ опасныхъ скалъ и мелей и направляющимъ къ уютной пристани тѣхъ русскихъ, которые въ туманѣ теперешняго броженія мысли не знаютъ, куда и за кѣмъ идти, что отвергать и что принимать. Не призадумаются-ли надъ ними тѣ священнослужители и богословы, которые въ теперешнемъ освободительномъ движеніи привѣтствовали освобожденіе Церкви отъ государственной власти, отъ бюрократическаго гнета? Свобода Церкви желательна; но будетъ-ли ей свободнѣе, легче и лучше жить и дѣйствовать при народовластіи? Какъ бы ей не попасть изъ огня да въ полымя. Православная Церковь находится въ нѣкоторой зависимости отъ государственной власти, но за то и пользуется отъ послѣдней содѣйствіемъ и помощію. И при народовластіи она могла бы навѣрняка разсчитывать на расположеніе и помощь отъ свѣтскаго правительства, если бы все или почти все Русское царство было населено людьми православными и вѣрующими. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: евреи, язычники, мухаммедане, католики, протестанты, армяне, русскіе раскольники и сектанты, русскіе невѣрующіе и равнодушные къ религіи, составляютъ не меньше трети, чуть не половину всего населенія Россіи. Пусть и справедливы въ нѣкоторой мѣрѣ жалобы, что Церковь связана въ своей дѣятельности зависимостію отъ государства, и что это было одной изъ причинъ нерасположенія къ Церкви и ея служителямъ со стороны иныхъ свѣтскихъ ученыхъ. Но главная причина нерасположенія, а то и ненависти къ Церкви и ея пастырямъ со стороны свѣтскихъ ученыхъ и свѣтскихъ недоучекъ вовсе не въ этой зависимости Церкви отъ государства; она лежитъ глубже; она заключается во взаимной непріязни церковнаго и мірскаго, духовнаго и свѣтскаго. Она прямо указана Христомъ Его апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ ихъ преемникамъ, въ словахъ: *Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ.* (Іоан. 15, 18. 19). Невѣрующимъ или равнодушнымъ къ вѣрѣ ученымъ и недоучкамъ одинаково ненавистны гражданское правительство и Церковь. Къ первому они относятся враждебно по политическимъ причинамъ, ко второй — по своей непріязни къ религіи. Наивно думать, будто они имѣютъ въ виду благо

Церкви, требуя отдѣленія ея отъ государства. До зависимости Церкви отъ государства имъ нѣтъ дѣла. Если они домогаются устранить ее, то только потому, что этимъ способомъ надѣются разобщить интересы Церкви и государства, ограничить, а то и совсѣмъ уничтожить помощь, которую оказываетъ Церковь гражданскому правительству, и гражданское правительство Церкви, даже стравить Церковь съ правительствомъ, чтобы облегчить себѣ побѣду надъ обоими. Divide et impera.

Вотъ голосъ о самодержавіи другаго человѣка, мірянина, но отрекшагося отъ благъ міра и проводившаго неуклонно жизнь самаго строгаго отшельника. Мы говоримъ о Николаѣ Ѳедоровичѣ Ѳедоровѣ. Трудно въ немногихъ словахъ описать достоинства этой обаятельной, возвышенной личности.

Николай Ѳедоровичъ не пользовался широкою извѣстностію, быть можетъ потому, что онъ былъ необычайно скроменъ и, повидимому, намѣренно убѣгалъ популярности и славы, во всякомъ случаѣ не дорожилъ ими. Да и должности онъ занималъ самыя незначительныя. Сначала онъ былъ учителемъ въ уѣздныхъ училищахъ въ провинціи. Потомъ былъ помощникомъ библіотекаря при Чертковской Библіотекѣ въ Москвѣ. Но бо́льшая часть его жизни протекла на службѣ въ Библіотекѣ Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, въ должности дежурнаго чиновника при читальномъ залѣ. Послѣдніе годы жизни онъ служилъ при Библіотекѣ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Мы познакомились съ Николаемъ Ѳедоровичемъ въ Румянцевской Библіотекѣ, которую мы, начиная еще съ студентческой скамьи, нерѣдко посѣщали для чтенія тѣхъ нужныхъ намъ книгъ, которыхъ не было въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи.

Кто изъ ученыхъ людей Москвы и иногороднихъ, бывавшихъ въ Румянцевской Библіотекѣ для чтенія книгъ, или для ученыхъ справокъ и посѣщавшихъ такъ называемую „каталожную“, не зналъ этого человѣка съ выразительными глазами, съ высокимъ лбомъ, съ дѣтски-добродушнымъ лицемъ, одѣтаго въ темносѣрый поношенный и потертый сюртукъ и наглухо застегнутый жилетъ? Кто изъ нихъ не обращался къ нему, прося у него совѣта въ своей ученой работѣ, освѣдомляясь, какія есть книги, русскія и иностран-

ныя, по тому, или иному вопросу, или журнальныя статьи, гдѣ и когда послѣднія были напечатаны и т. п.? И Николай Ѳедоровичъ, съ величайшей охотой, съ радостію, съ чисто-родственнымъ чувствомъ любви къ ученымъ людямъ, къ ихъ трудамъ и умственнымъ запросамъ давалъ либо точныя, либо приблизительныя указанія о книгахъ, статьяхъ, писателяхъ, ученыхъ взглядахъ, частію по памяти, частію сдѣлавши справки. Какой другой ученый свои, еще не обнародованныя, свѣдѣнія станетъ сообщать другимъ ученымъ? А Николай Ѳедоровичъ щедро расточалъ ихъ знакомымъ и незнакомымъ, безъ зависти или ревнивости, дружелюбно, радуясь, что можетъ оказать ученую услугу людямъ, серіозно занятымъ наукой.

Николай Ѳедоровичъ обладалъ твердыми убѣжденіями, строгими и твердо установившимися правилами для мысли, для жизни, для дѣятельности, для отношеній къ другимъ людямъ. Такіе люди—рѣдкость.

Но еще болѣе поразительно было въ немъ постоянство, неуклонность въ осуществленіи своихъ убѣжденій. Трудно выработать опредѣленные и устойчивые взгляды на важнѣйшіе вопросы мысли и жизни, но еще труднѣе осуществлять свои убѣжденія въ жизни и дѣятельности; а осуществлять ихъ неуклонно, безъ колебаній, безъ отступленій, съ постоянствомъ—это подвигъ, достигаемый только избранными людьми. Николай Ѳедоровичъ не принадлежалъ къ многочисленному разряду людей половинчатыхъ, ни теплыхъ, ни холодныхъ. Прямой и искренній, честный и самоотверженный, онъ не былъ способенъ къ сдѣлкамъ ни съ своею совѣстію, ни съ людьми. Обладая цѣльнымъ міросозерцаніемъ и гармоническимъ строемъ духа, онъ до конца проводилъ на дѣлѣ свои жизненныя правила, какъ бы ни было это иногда тяжело.

Строй его души былъ возвышенный. Это былъ идеалистъ въ мысли, въ дѣятельности, въ жизни.

Какъ человѣкъ „духовный“, „строгій“, онъ пренебрегалъ тѣмъ, что называется счастьемъ, чего добиваются, иногда съ страшными усиліями и всякими жертвами, почти всѣ люди. Еще менѣе онъ дорожилъ удобствами жизни, даже самыми простѣйшими. Его строго — аскетическое самоотреченіе выражалось въ полной нестяжательности. Къ удивле-

нію начальниковъ, которые не могли не цѣнить чрезвычайнаго трудолюбія и выдающейся полезной дѣятельности Николая Ѳедоровича, послѣдній упорно отказывался отъ повышеній по службѣ, отъ чиновъ и отъ предлагаемыхъ ему прибавокъ жалованья, прося перенесть послѣднія на долю кого либо изъ его семейныхъ сослуживцевъ. Почти уже въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ онъ былъ награжденъ пенсіей въ 17 р. 51 коп. Но какъ ни было скудно его жалованье, опредѣленную долю его онъ ежемѣсячно удѣлялъ бѣднякамъ, которые были, такъ сказать, его постоянными пенсіонерами. Самоотверженною благотворительностію онъ отличался еще въ молодости, когда былъ учителемъ въ уѣздномъ училищѣ. Такъ, однажды, „узнавъ, что у одного изъ бѣдныхъ учениковъ боленъ отецъ, а денегъ на лѣченіе не хватаетъ, Николай Ѳедоровичъ отдалъ ученику для этого дѣла всѣ свои деньги; когда же больной умеръ и не на что было хоронить его, Николай Ѳедоровичъ продалъ свой вицъ-мундиръ, выручку отдалъ ученику—сиротѣ, а самъ явился на урокъ въ столь ветхой одеждѣ, что случившійся какъ нарочно въ этотъ день въ школѣ пріѣзжій начальникъ былъ изумленъ невозможнымъ костюмомъ преподавателя, и, когда тотъ отказался объяснить причину своей кажущейся неряшливости, предложилъ ему выйдти въ отставку, на что Николай Ѳедоровичъ охотно согласился бы, если бы смотритель училища не поспѣшилъ разъяснить начальству особыя свойства страннаго преподавателя“ [1]).

Пищей, и жизнію, и развлеченіемъ для Николая Ѳедоровича служилъ умственный трудъ,—это тяжкое бремя для многихъ людей. Обращеніе съ книгами и съ книжными людьми наполняло все время его. Шутливо называя восьмичасовой рабочій день шестнадцатичасовою праздностію, Николай Ѳедоровичъ приходилъ въ Румянцевскую Библіотеку раньше положеннаго времени и уходилъ изъ нея позже окончанія занятій и, кромѣ того, занимался тамъ по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Пишущему онъ предлагалъ приходить для занятій въ библіотеку, если есть время, по воскресеньямъ. Строгій исполнитель обязательнаго труда, онъ еще больше любилъ трудъ сверхъурочный.

---

1) Русскій Архивъ 1904 г., апрѣль, 553 стр.

Много лѣтъ трудясь въ библіотекѣ съ неослабнымъ усердіемъ и безпримѣрной любовью къ дѣлу, Николай Ѳедоровичъ превосходно изучилъ книжныя сокровища библіотеки. Для занимающихся въ библіотекѣ это имѣло огромную важность потому, что полнаго каталога, не только печатнаго, но и рукописнаго, библіотека не имѣетъ. Николай Ѳедоровичъ не только со всегдашнею готовностію и очень скоро подъискивалъ требуемыя посѣтителями книги; но занимающимся не просто только чтеніемъ, а ученымъ трудомъ, онъ деликатно рекомендовалъ еще и другія книги и статьи.

Должность Николая Ѳедоровича располагала къ пріобрѣтенію преимущественно библіографическихъ познаній, ознакомляла со всѣми возможными областями науки, но поверхностно. Разнообразіе и разнородность познаній препятствуетъ основательности изученія и не располагаетъ къ глубокомыслію. Но, къ удивленію, Николаю Ѳедоровичу удалось выработать цѣлое міросозерцаніе, цѣнность котораго возрастаетъ отъ того, что оно не было отзвукомъ какого либо моднаго направленія мысли, а было вполнѣ самобытное и притомъ жизненное. Человѣкъ, какъ бы отрѣшившійся отъ жизни, рѣшалъ остроумно и глубокомысленно многіе очень важные вопросы жизни, и въ рѣшеніи ихъ онъ никому не подражалъ, никому не угождалъ, рѣшалъ ихъ искренне, по совѣсти, глубоко обдумавши. Искренность, глубина, самобытность и возвышенность мысли—отличительныя черты его сочиненій. И нужно только пожалѣть, что онъ печаталъ ихъ въ нераспространенныхъ изданіяхъ, и вообще совсѣмъ не заботился объ ихъ распространеніи.

По благородству, глубинѣ, самобытности и жизненности мысли Николай Ѳедоровичъ былъ поистинѣ мудрецъ, а по чистотѣ и духовности жизни столько же мудрецъ, сколько и праведникъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которыми держится міръ. Къ осуществленію въ своей жизни идеаловъ добра и истины онъ столько же стремился своею возвышенною мыслію, сколько праведною жизнію и благородною дѣятельностію, — стремился неутомимо, неуклонно. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ дѣтей, о которыхъ Христосъ сказалъ: *Кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него* (Лук. 18, 17).

Слово такихъ людей, какъ Николай Ѳедоровичъ,—слово

искреннее, правдивое, независимое, самобытное, продуманное, сильное, всегда выслушать полезно и поучительно. Но особенно высокую цѣну оно имѣетъ теперь, въ переживаемую Россіей смутную пору, преисполненную нестроеній и бѣдствій.

Николай Ѳедоровичъ въ своихъ статьяхъ обсуждалъ вопросы важные, жизненные: о наукѣ, объ образованіи, о воспитаніи, о національности и проч. Писалъ онъ и о значеніи царской власти для блага и государства. Статьи о самодержавіи онъ напечаталъ въ газетѣ „Асхабадъ“ за 1901 годъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этихъ статей и пользуемся только краткимъ извлеченіемъ изъ нихъ, помѣщеннымъ въ біографіи Николая Ѳедоровича, которая составлена Владиміромъ Кожевниковымъ и напечатана въ Русскомъ Архивѣ за 1904 г., подъ заглавіемъ „Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ“.

Въ этомъ извлеченіи изложенъ вглядъ Николая Ѳедоровича на самодержавіе въ отношеніи самодержавія къ воспитанію и образованію народа. Взглядъ Николая Ѳедоровича на воспитаніе и образованіе отличается серьезностію, возвышенностію и глубиной. Задачи образованія онъ всегда ставилъ въ связь съ задачами воспитанія. Онъ говорилъ, что „знаніе само по себѣ не можетъ служить цѣлью; оно лишь средство къ достиженію высшей цѣли, цѣли самой жизни. По его мнѣнію пріобрѣтеніе знаній только ради удовлетворенія любознательности есть не болѣе, какъ облагороженный видъ безцѣльнаго занятія, и въ такомъ видѣ не можетъ дать полнаго и конечнаго удовлетворенія людямъ, какъ существамъ нравственнымъ. Знаніе раскрываетъ намъ только то, что есть, при совокупности теперешнихъ, наличныхъ условій, то есть, только реальную дѣйствительность при данномъ положеніи вещей. Но существующее положеніе вещей и благо, особенно нравственное благо, не одно и тоже; они далеко не совпадаютъ. Даже совершенное знаніе того, что есть, не въ состояніи дать намъ совершенный міръ. Наоборотъ, будучи достигнуто, оно повергло бы человѣчество въ скорбь, которая была бы безпросвѣтной и безнадежной, если бы на *такомъ* знаніи люди остановились, если бы требованія нравственнаго блага, не совпадающія при существующемъ порядкѣ вещей съ дѣйствительностію, не указывали знанію иного, высшаго назначенія: стать изъ пассивнаго проектив-

нымъ и активнымъ, перейти въ дѣло, въ преобразованіе *существующаго въ долженствующее быть*. Воспитаніе есть подготовка этого дѣла въ области чувствъ, воли и характера; обученіе, образованіе, познаваніе даютъ ему средства къ осуществленію.

Первое изъ этихъ средствъ—*всеобщность и обязательность образованія*.

Всеобщее образованіе и конечную цѣль его—осуществленіе нравственнаго блага въ человѣчествѣ—Николай Ѳедоровичъ ставилъ въ тѣснѣйшую связь съ самодержавіемъ. По его убѣжденію „вопросъ о цѣли существованія связанъ съ дѣломъ самодержавія", въ коемъ, какъ воспріемничествѣ и душеприказчичествѣ, заключается весь вопросъ о воспитаніи и образованіи, объ ихъ всеобщности, задачѣ и цѣли". Николай Ѳедоровичъ всеобщее спасеніе видѣлъ въ возстановленіи всемірнаго родства, въ объединеніи человѣчества въ одной семьѣ, а единственной формой государственнаго строя, способной привесть къ объединенію человѣчества, онъ признавалъ самодержавіе.

Вотъ какъ онъ раскрываетъ этотъ взглядъ.

„Для возстановленія братскаго единенія, для истиннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а также и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ умершихъ отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами (смертью), требуется намѣстникъ, всеобщій душеприказчикъ, „стоящій въ отцовъ мѣсто" (какъ выражались наши предки, такъ и понимавшіе высшую власть). Это и есть самодержецъ. Самодержецъ, какъ стоящій въ отцовъ мѣсто, въ вѣнчаніи на царство получаетъ отъ Бога отцовъ, Бога Троичнаго, высшее освященіе, дѣлается орудіемъ Божественной воли, чтобы руководить дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, объединяя ихъ въ дѣлѣ по образу Бога Тріединаго".

„Высшее назначеніе самодержавію даетъ *православіе*, такъ какъ дѣло самодержавія не ограничивается однимъ внѣшнимъ, неполнымъ умиротвореніемъ. Для умиротворенія же внутренняго было принято христіанство, по желанію и самого народа, инстинктивно, повидимому, чувствовавшаго глубоко-скрытое въ христіанствѣ всемірное родство. Христіанство было принято Русью въ его высшей, византійской

формѣ всемірнаго печалованія о жертвахъ розни и гнета, то есть, о всѣхъ умершихъ и умирающихъ. Это печалованіе, однако, въ отличіе отъ такъ называемой „міровой скорби“, ограничивающейся однимъ нытьемъ, требуетъ *дѣла*, за неисполненіе котораго и погибла Византія. Православіе не имѣетъ свѣтской власти, на подобіе папизма, а потому и угнетать никого не можетъ; но и къ розни, которую подъ видомъ свободы боготворитъ протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается. Православіе, по образцу высшаго христіанскаго догмата Пресвятой Троицы, требуетъ, чтобы въ родѣ человѣческомъ, при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ, было и полное ихъ единство, то есть, требуетъ такого общенія или общества, въ сравненіи съ которымъ самые высокіе идеалы соціологіи становятся не только низкими, но и нечестивыми. Православіе требуетъ такого общества, которое не нуждалось бы ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ, ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Тріединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ. Санъ самодержца и предназначенъ для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безнравственнаго и антирелигіознаго“ [1]).

„Что русское православіе есть дѣло, осуществленіе, а не подобіе его только, не метафора, не внутреннее лишь и таинственное дѣйствіе, это видно уже изъ перваго вопроса, который предлагаетъ миссіонерамъ равноапостольный Владиміръ. „Какая ваша заповѣдь“, а не „во что вы вѣруете“? спрашиваетъ онъ (впрочемъ и слово „вѣра“ обозначало въ то время не мнѣніе только, а клятву, обѣтъ исполнять дѣло; отсюда и „вѣроломный“, то есть, нарушитель обѣта, клятвы). Сущность самодержавія начинаетъ раскрываться въ вопросѣ, заданномъ Владиміромъ о заповѣди, на который онъ далъ самъ и отвѣтъ, не словомъ, а дѣломъ, своимъ нравственнымъ перерожденіемъ... Русскій народъ былъ крещенъ безъ оглашенія, безъ наученія, какъ крестятъ младенцевъ. Онъ пошелъ къ купели по приказанію *князя*, но какого князя? того, который на самомъ себѣ, на дѣлѣ показалъ, что такое христіанство. Какой катихизисъ, какой аргументъ могъ

1) Русскій Архивъ. 1904 г., май, стр. 5—6. Извлечено изъ статьи „Самодержавіе“ въ газетѣ „Асхабадъ“, 1901 г., іюля 10, № 191.

быть сильнѣе такого примѣра?... Народъ нашъ, у котораго все лучшее дѣлалось сообща, который предпочиталъ не только жить, но и умирать вмѣстѣ, „всѣмъ за одинъ, всѣмъ какъ одинъ“, могъ и креститься не въ одиночку, а лишь въ общей купели, имѣя общимъ своимъ воспріемникомъ князя, какъ общаго отца, стоящаго въ отцовъ мѣсто. Эти два обстоятельства: крещеніе безъ оглашенія, на вѣру князя, и сообща, опредѣлили сами собою великую задачу самодержавія. „Самодержавіе, какъ воспріемничество, есть принятіе на себя долга за воспринятый народъ,—долга, заключающагося въ осуществленіи чаемаго, въ осуществленіи явномъ, дѣйствительномъ того, что до христіанства было лишь преобразованіемъ. Самодержавіе приняло на себя долгъ, обязанность приготовить народъ, сдѣлать его способнымъ къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что при крещеніи, миропомазаніи и другихъ таинствахъ совершается таинственно. Поэтому самодержавіе, какъ воспріемничество есть *возглавленіе*, тогда какъ папство, абсолютическое и непогрѣшимое, есть *обезглавленіе*... Воспріемничество, какъ выраженіе самодержавія, есть *возглавленіе* всѣхъ, то есть, *всеобщее, обязательное просвѣщеніе*..., или *обращеніе общества*, по типу животнаго организма слѣпою силою созданнаго, *въ общество по образу и подобію Пресвятой Троицы*. Возглавленіе означаетъ, что главою земного общества дѣлается *Церковь*, и это не папоцезаризмъ и не цезаропапизмъ: самодержавная власть, въ отца мѣсто стоящая, есть *сила воспитывающая*, то есть, *ведущая къ совершеннолѣтію*“.

„Всеобщее обязательное образованіе есть христіанская обязанность царя-воспріемника, заключающаяся въ томъ, чтобы всѣхъ довести до состоянія зрѣлости умственной и нравственной, до выхода изъ возраста шалостей и баловства, (къ которымъ въ обширномъ смыслѣ народъ причисляетъ и разбои и грабежи), изъ возраста ссоръ и дракъ (къ которымъ въ широкомъ смыслѣ принадлежатъ и войны), изъ возраста увлеченія игрушками (куда относятся и всѣ прихоти, создаваемыя торгово-мануфактурною культурою), дабы ставшіе совершеннолѣтними, то есть, не нуждающіеся уже ни въ дьякахъ, ни въ надзирателяхъ, ни въ карцерахъ, стали участниками настоящаго, общаго, великаго дѣла. Владиміръ былъ воспріемникомъ Русскаго народа отъ общей

купели и этимъ принялъ на себя и всѣхъ своихъ преемниковъ долгъ всеобщаго обязательнаго образованія, которое въ настоящее время должно быть необходимымъ дополненіемъ всеобщей воинской повинности, чтобы постепенно превратить ее изъ борьбы съ себѣ подобными въ объединеніе, въ трудъ познанія слѣпой силы (природы) и обращенія ея въ управляемую разумомъ“ [1]).

„Власть, соединивъ воинскую повинность со всеобще-обязательнымъ образованіемъ, введетъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ дѣло познанія и управленія текущими явленіями природы для возстановленія прошедшаго (отцовъ). Въ этомъ заключается послѣдній и окончательный проэктъ всеобщаго, обязательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольнаго образованія, ученія и дѣла, осуществленіе котораго и приведетъ къ тому, что царь вмѣстѣ съ народомъ будетъ воистину самодержцемъ, властителемъ, управителемъ слѣпыхъ силъ природы, ея царемъ, царемъ не душъ, какъ папа, а матеріи и силы, повелителемъ внѣшняго, матеріальнаго міра, освободителемъ отъ закона юридическаго и экономическаго и, наконецъ, возстановителемъ господства нравственнаго, или, что то же, родственнаго закона“ [2]).

„Такимъ образомъ двѣ великихъ обязанности лежатъ на самодержавіи: всеобщая воинская повинность, которая уже совершила великое дѣло, и всеобщее обязательное образованіе, которое должно измѣнить войну въ миръ, слѣпую борьбу между разумными существами превратить въ объединеніе для изученія и обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ“... „Такая регуляція, взамѣнъ нынѣшней эксплуатаціи и утилизаціи, приводящихъ природу къ истощенію и разрушенію, а людей къ конкурренціи и раздорамъ, явилась бы по отношенію къ природѣ трудомъ, освобождающимъ отъ голода, болѣзней и смерти; по отношенію къ наукѣ объединеніемъ всѣхъ отраслей знанія, которому теологія давала бы цѣль, психологія—содержаніе, а космологія—средства; наконецъ, по отношенію къ людямъ регуляція

---

[1]) Тамъ же, стр. 6—7 изъ статьи Самодержавіе въ „Асхабадѣ“ 1901 г. № 192.

[2]) Тамъ же, стр. 8 изъ статьи: „Отвѣтъ на вопросъ: *Что такое Россія?*“ въ „Асхабадѣ“ 1901 г. № 187.

была бы общимъ братскимъ дѣломъ сыновъ, исполняемымъ ради отцовъ, смерть которыхъ скрываетъ наше сходство, наше сродство и является первою причиною не-братства“ 1).

Признавая дѣло всеобщаго образованія высшею обязанностію самодержавія, Николай Ѳедоровичъ призываетъ къ сотрудничеству съ царемъ и народомъ въ этомъ всечеловѣческомъ дѣлѣ всѣхъ ученыхъ и такъ называемую интеллигенцію. По его взгляду, каждый, научившійся самъ, долженъ учить другихъ—учить безкорыстно, самоотверженно; это долгъ всѣхъ умственно зрѣлыхъ—такой же всеобщій, какъ право зрѣлыхъ физически быть братьями и отцами. Однако теперешнюю русскую интеллигенцію, склонную къ увеличенію своей силы и власти, къ фортунѣ, къ карьерѣ, между прочимъ и ученой, напыщенной своимъ умственнымъ преимуществомъ, онъ считалъ не достаточно подготовленной къ великому дѣлу всеобщаго народнаго учительства и нуждающейся въ нравственномъ переворотѣ, который сдѣлалъ бы ее болѣе способной къ этому дѣлу, превративъ заботы о личныхъ и матеріальныхъ интересахъ въ попеченіе о самомъ существенномъ—всеобщемъ воспитаніи и образованіи. Вѣрный признакъ неподготовленности русской интеллигенціи къ дѣлу всеобщаго обученія Николай Ѳедоровичъ видитъ въ томъ, что даже тѣ интеллигенты, которые постоянно толкуютъ о необходимости всеобщаго обязательнаго обученія, сами никого не обучаютъ, мирятся съ тѣмъ, что важнѣйшее дѣло просвѣщенія—обученіе народа—поручалось въ огромномъ большинствѣ случаевъ людямъ малообразованнымъ, или неспособнымъ къ этой дѣятельности, а высшая отборная интеллигенція смотритъ на дѣло обученія народа, какъ на несвойственное ея высокому ученому положенію, и съ вершинъ ученаго Олимпа, свысока, взираетъ на своихъ младшихъ собратьевъ, трудящихся, какъ муравьи, у подножія пирамиды знанія.

По мнѣнію Николая Ѳедоровича, и правительству, и обществу, и ученымъ спеціалистамъ, и всей интеллигенціи пора бы проникнуться сознаніемъ, что никакая высота служебнаго положенія и никакіе ученые труды и заслуги *никого* не освобождаютъ отъ учительскаго служенія *именно въ области перво-*

1) Тамъ же, стр. 8, изъ „Асхабада“ №№ 192 и 202.

начальнаго обученія. Воспитаніе сознанія этого долга въ интеллигенціи должно бы быть существенною нравственною обязанностію университета, задача котораго, какъ и государства, какъ и Церкви, состоитъ въ прекращеніи внутренней розни и раздѣленія на ученыхъ и неученыхъ, въ объединеніи всѣхъ для разслѣдованія причинъ не-братства и вражды и для пріисканія средствъ къ ихъ устраненію.

„Но откуда ждать единства между учеными и неучеными, когда глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга во всемъ ихъ міровоззрѣніи и жизневоззрѣніи? спрашиваетъ Николай Ѳедоровичъ. Какъ возможно въ настоящее время просвѣщеніе цѣльное и всеобщее, когда само просвѣщеніе, самъ свѣтъ сталъ вопросомъ, ибо то, что̀ одни называютъ свѣтомъ, противникамъ ихъ кажется тьмою?... Противорѣчіе это тѣмъ болѣе невыносимо, что невѣрующіе, обзывающіе вѣрующихъ обскурантами за ихъ невѣжественность, происходящую отъ невѣдѣнія, забываютъ, что право на пребываніе въ невѣдѣніи они однако признаютъ за стоящими во главѣ ихъ самихъ, за критическими философами и за учеными агностиками, исповѣдующими одночленный отрицательный символъ вѣры: „Ignoramus“! Если для однихъ нѣтъ отвѣтовъ на важнѣйшія „міровыя загадки“, а для другихъ нѣтъ вообще ничего абсолютно-истиннаго, то какимъ яснымъ цѣлямъ жизни, какимъ опредѣленнымъ планамъ дѣятельности будутъ учить неученыхъ послѣдователи этихъ искреннихъ мудрецовъ, знающихъ только о своемъ незнаніи? [1]).

[1]) Имѣется въ виду, повидимому, Дю-Буа-Реймонъ. Онъ на Съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ въ 1872 г. произнесъ рѣчь, надѣлавшую тогда много шума: *О границахъ познанія природы.* Тема рѣчи: „Ignoramus et ignorabimus“: не знаемъ и не будемъ знать. Чего? 1) Сущности атомовъ и первобытнаго состоянія міра; 2) происхожденія сознанія. А въ 1880 г. въ торжественномъ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ Дю-Буа-Реймонъ призналъ уже не двѣ, а семь міровыхъ загадокъ, которыя человѣкъ не разгадалъ и не разгадаетъ: 1) Сущность вещества и силы; 2) происхожденіе жизни; 3) происхожденіе движенія; 4) цѣлесообразность природы; 5) происхожденіе ощущенія; 6) происхожденіе разума и языка; 7) свобода воли.—Затѣмъ позитивисты, поставляя своей задачей и не отказываясь отъ притязаній познать міръ, рѣшительно заявляютъ о невозможности знать сверхчувственное бытіе и потому называются *агностиками.*—Упомянемъ, наконецъ, о скептикахъ, которые или сомнѣваются въ возможности человѣку знать истину, или совсѣмъ отвергаютъ эту возможность.

Впрочемъ безсильные указать истину, они однако же считаютъ себя очень сильными въ пріемахъ опроверженія и отрицанія. Но если бы это незавидное самомнѣніе даже и не было самообольщеніемъ, все же оно—сила только разрушающая, злая сила, и не этой мнимой силѣ научить успѣшной борьбѣ съ общимъ врагомъ ученыхъ и неученыхъ, вѣрующихъ и отрицающихъ,—съ слѣпою силою неразумной природы, силою уже немнимою, а дѣйствительно разрушающею, которая если и рождаетъ къ жизни, то для того лишь, чтобы снова умерщвлять".

Но если общаго спасенія нельзя ждать отъ людей, разслабленныхъ сомнѣніемъ, то столь же напрасно было бы ждать его и отъ тѣхъ вѣрующихъ, которые довольствуются одною субъективною вѣрою: несокрушимые въ чертѣ своего собственнаго внутренняго духовнаго опыта, они безсильны сообщить свою непосредственную убѣжденность тѣмъ, кому этотъ опытъ чуждъ, у кого нѣтъ настроенія для воспріятія свѣта вѣры. Между этими двумя группами лицъ, живущими разными чувствами, какъ бы въ двухъ разныхъ мірахъ, нѣтъ и не можетъ быть объединеннаго и дружнаго взаимодѣйствія, а безъ всеобщности желанія и усилія нѣтъ и всеобщности спасенія. Примиреніе между вѣрующими и невѣрующими станетъ возможнымъ, если за вѣру признаемъ исполненіе воли Божіей. А пока наука и вѣра изъ пассивныхъ и созерцательныхъ не станутъ активными и проективными, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться на примиреніе ученыхъ съ неучеными, свѣтской школы съ духовною; разладъ двухъ разумовъ и двухъ сословій будетъ неизбѣженъ. Этою противоположностью объясняется трагическое положеніе университетовъ въ обществѣ, утратившемъ естественное единство. По термину, унаслѣдованному отъ родового быта, университетъ есть Alma mater, а потому и вся интеллигенція, трудящаяся въ различныхъ учрежденіяхъ, составляетъ одну семью и, какъ одна семья, сливается съ семьею въ болѣе обширномъ смыслѣ—съ государствомъ, а слѣдовательно и съ народомъ. По неизвращенному смыслу это связь чисто родственная; а истинная родственность немыслима безъ любви къ отцамъ. Между тѣмъ университетъ забвеніемъ своего назначенія—„уничтожать внутреннюю рознь и раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ"—отрекся отъ родственнаго начала, замѣнилъ его

неопредѣленнымъ, отвлеченнымъ гуманизмомъ, не замедлившимъ выродиться въ *гомункулизмъ*. И вотъ, учрежденіе, призванное къ умиротворенію и созиданію, извращается въ самозванное, самочинное судилище, призывающее къ своему суду все, что̀ было святаго, до самого даже Бога; хулу въ видѣ отрицательной критики возводитъ въ начало премудрости, ученика ставитъ выше учителя, студента выше профессора. Узаконяя въ курсахъ юридическихъ и экономическихъ наукъ неродственныя отношенія, оно подаетъ поводъ несовершеннолѣтнимъ, молодежи, узурпировать и попирать права старшихъ, совершеннолѣтнихъ, признавать ихъ подсудными себѣ, а не соглащающимся на такое подчиненіе отвѣчаетъ высшею нелѣпостью со стороны учащихся,—угрозою учебныхъ забастовокъ. Аудиторіи изъ мѣстъ пріобрѣтенія знанія превращаются въ мѣста сборищъ буйныхъ наукоборцевъ, и почтенная Alma Mater просвѣщенія оглашается, выражаясь словами древне-русскаго обличителя, задорными голосами „щенятъ, брешущихъ во чревѣ матери“. Не находя достаточно рѣзкихъ словъ для порицанія этого „ребяческаго анархизма“, этихъ „мальчишескихъ и дѣвическихъ революцій“, Николай Ѳедоровичъ еще болѣе возмущался пассивнымъ или потворствующимъ отношеніемъ нѣкоторой части общества къ этой новой формѣ власти, которую онъ обозвалъ насмѣшливымъ именемъ *эмбріократіи*. Отвлеченіе отъ занятій столь дорогимъ ему знаніемъ, трата лучшихъ силъ и невозвратимаго времени на усобицу, гибельную прежде всего для самой молодежи, неуваженіе къ храму науки, къ долгу учащаго и учащагося—все это заставляло его считать настоящимъ преступленіемъ даже косвенное, даже пассивное, молчаливое поощреніе незрѣлыхъ и потому до извѣстной степени не во всемъ вмѣняемыхъ умовъ къ тѣмъ противоестественнымъ волненіямъ, которыя, къ несчастію, какъ бы уже вошли въ обиходъ нашей жизни подъ приличнымъ терминомъ „академическихъ безпорядковъ“ [1]).

Мы нѣсколько отвлеклись отъ темы. Но слова Николая Ѳедоровича объ университетскомъ образованіи, объ академическихъ безпорядкахъ, жизненныя и правдивыя вообще, осо-

[1]) Въ той же книжкѣ Русскаго Архива, 8 — 12, стр. извлеченіе мыслей изъ разныхъ статей Николая Ѳедоровича объ университетахъ и образованіи.

бенно драгоцѣнны въ настоящее время—время поголовныхъ политическихъ забастовокъ учащихся не только въ высшихъ, но даже и въ среднихъ школахъ. Прежніе студентческіе бунты и волненія—мальчишескія шалости предъ теперешними повальными забастовками съ требованіями то автономіи Польши, то отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ, то всеобщаго избирательнаго права, то созванія учредительнаго собранія, то введенія въ Россіи демократической республики. У студентовъ въ карманахъ и въ рукахъ не книги, а браунинги. Не только курсистки, но гимназисты, семинаристы, гимназистки волнуются и забастовываютъ изъ за политики, а то еще бойкотируютъ своихъ начальниковъ и учителей. Ни въ какой другой землѣ во всемъ свѣтѣ не было подобнаго безобразія. А одинъ изъ профессоровъ, послѣ 17 октября, назвалъ бастующихъ студентовъ лучшею молодежью въ свѣтѣ. Можно думать, что русская молодежь въ сравненіи съ молодежью Запада податливѣе на призывы революціонеровъ, благодаря славянской мягкости, и менѣе зрѣла, благодаря самимъ профессорамъ.

Но каковы профессоры русскіе, если они поощряютъ и восхваляютъ студентческія повальныя забастовки, какъ средство для завоеванія гражданской и политической свободы! Поистинѣ люди, люди притомъ ученые, умные, впали въ состояніе какой то полунормальности. Не преступленіе - ли со стороны профессоровъ и учителей поощрять забастовки и бойкоты учащихся, или потворствовать имъ, или смотрѣть на нихъ сквозь пальцы?. Способна-ли незрѣлая, недоучившаяся молодежь обсуждать сложные вопросы государственнаго и общественнаго устроенія? Сколько драгоцѣннаго времени тратитъ она не на дѣло, а на бездѣлье,—бездѣлье, вредное для нея самой и для общества и государства! Насущные интересы воспитанія, образованія, культуры, порядка, пользъ народа и государства, чести и безопасности людей—все приносится въ жертву требованію свободы, ставшей какимъ то всепожирающимъ идоломъ—молохомъ. Умные и ученые люди забыли азбучную истину, что бойкотомъ, забастовками и насиліемъ, которые одни граждане примѣняютъ къ другимъ гражданамъ и къ правительству, нагло попирается та сама свобода, ради достиженія которой они употребляются. Всякое насиліе исключаетъ и искореняетъ свободу. Въ насиль-

никѣ свобода превращается въ дикій произволъ, въ разнузданное своеволіе. Онъ свободенъ для себя, а въ сущности есть рабъ своихъ страстей, фанатизма, ложныхъ ученій; но онъ не терпитъ свободы въ другихъ и подавляетъ ее силой, оружіемъ, мечемъ и огнемъ. Насиліе вызываетъ, естественно и справедливо, отпоръ со стороны тѣхъ, противъ кого оно направлено, отпоръ силой. Такимъ путемъ произволъ и насиліе распространяются все шире и шире, и возможна-ли хотя бы тѣнь истинной свободы въ царствѣ насилія?

Что касается до монархическаго образа правленія и въ частности до самодержавія, то къ изложеннымъ взглядамъ епископа Ѳеофана и Н. Ѳ. Ѳедорова мы прибавимъ только нѣсколько словъ.

Для процвѣтанія царства, для благоденствія и развитія народа нуженъ порядокъ. Порядокъ поддерживается хорошими законами и твердой, сильной властью. И если гдѣ, то особенно въ Россіи, обширной по пространству, многолюдной по населенію, разноплеменной по составу населенія, необходимы твердость и могущество власти. Монархическій образъ правленія, при нѣкоторыхъ условіяхъ, обезпечиваетъ твердость и силу власти, а чрезъ то и порядокъ въ государствѣ. Главное и ничѣмъ незамѣнимое изъ этихъ условій—безпредѣльная преданность народа царю, основывающаяся на сознаніи, что власть его отъ Бога, что онъ—помазанникъ Божій, что въ немъ олицетворяется и возглавляется все царство, весь народъ, что онъ для народа—отецъ, а народъ для него—семья. Въ свою очередь и царь долженъ быть для своихъ подданныхъ отцемъ, веселящимся о дѣтяхъ своихъ. Отъ него требуются любовь къ народу и всецѣлая преданность ему, неусыпное попеченіе о его благѣ и пользахъ государства, единомысліе религіозное и политическое съ русскимъ народомъ.

Союзъ царя и народа укрѣпляется главною цѣлью ихъ дѣятельности. Эта цѣль—благо народа и соединенныя съ этимъ благомъ процвѣтаніе царства и благополучіе гражданъ. Цѣли частныя—цѣлость государства, достойное и высокое положеніе его между-народное, развитіе его внутреннихъ силъ, совершенствованіе народа религіозное, нравственное, умственное, процвѣтаніе наукъ, литературы и искусствъ, усовершенствованіе техническихъ искусствъ, промышлен-

ности и торговли, распространеніе въ народѣ грамотности и образованности, укрѣпленіе и развитіе хозяйственной дѣятельности, экономическій ростъ страны и въ особенности процвѣтаніе земледѣлія во всѣхъ его отрасляхъ, какъ занятія у русскаго народа кореннаго, главнаго, почти повсемѣстнаго, облагороживающаго и наиболѣе способнаго удерживать простонародье въ состояніи близости къ природѣ, въ патріархальномъ бытѣ съ его безцѣнными благами — крѣпостію силъ, здоровьемъ тѣла, непорочностію души, долголѣтіемъ жизни, довольствомъ и счастьемъ при малыхъ средствахъ 1).

Ростъ народнаго блага и процвѣтаніе государства зависятъ отъ многихъ условій. Прожитые народомъ вѣка его до-историческаго и историческаго бытія; вѣками сложившіеся міросозерцаніе и бытъ народа; характеръ племенъ, населяющихъ государство, и особенно господствующаго племени; ихъ взаимныя отношенія; религіи населяющихъ страну народностей; свойства страны: ея климатъ, почва, естественныя произведенія, рельефъ поверхности, характеръ границъ, расположеніе и количество рѣкъ, озеръ и морей; окружающее страну сосѣдство—все это оказываетъ огромное вліяніе, то благопріятствующее, то задерживающее, на жизнь, дѣятельность и развитіе народа, на его благополучіе и на внутренній и внѣшній ростъ государства. Эти коренныя условія жизни народа неустранимы. Нельзя холодный климатъ превратить въ теплый, гористую страну сдѣлать низменной, или, наоборотъ, низменную равнину превратить въ возвышенность и т. п. Нельзя также въ корнѣ измѣнить племенной характеръ народа, его вѣками сложившіяся особенности. Равнымъ образомъ не возможно въ короткое время темному народу стать просвѣщеннымъ, бѣдному—богатымъ. Но народъ можетъ усиліями, дѣятельностію, трудомъ ослаблять дѣйствія причинъ вредныхъ или задерживающихъ развитіе народа, препятствующихъ его процвѣтанію, и усиливать дѣйствіе причинъ, благопріятныхъ для матеріальнаго и духовнаго его благоден-

---

1) Обогащеніе и ростъ городовъ, обнищаніе и упадокъ деревни,—этотъ горькій плодъ современной культуры, отравляющій народы и разрушающій какъ ихъ нравственность, такъ и основы экономическаго благосостоянія,—особенно опасны для Россіи, какъ страны земледѣльческой.

ствія. Народъ, какъ и человѣкъ—самъ кузнецъ своего счастья. Только какъ человѣку, такъ и народу никогда не слѣдуетъ забывать, что счастья нельзя выковать сразу; оно достигается упорнымъ и долговременнымъ трудомъ; человѣкъ достигаетъ его годами, а народъ—вѣками. Оно — не кладъ, который можно найти случайно и сразу, и не лотерейный выигрышъ, какъ даръ слѣпаго случая.

Въ революціонныя эпохи эти азбучныя истины забываются. Тогда многіе начинаютъ думать, будто можно и должно разрушить почти все старое, будто все новое, воздвигнутое вмѣсто разрушеннаго, сразу сдѣлаетъ государство сильнымъ, народъ богатымъ, просвѣщеннымъ, счастливымъ; а иные полагаютъ, что всѣ бѣдствія народа и нестроенія въ государствѣ возникли исключительно отъ образа правленія, отъ существующаго режима, что нужно старый образъ правленія замѣнить другимъ, новымъ, и что это сразу устранитъ бѣдность и невѣжество народа, и народъ сдѣлается богатымъ и просвѣщеннымъ, а государство могущественнымъ.

Безъ сомнѣнія, весьма важно, чтобы государство имѣло хорошій образъ правленія; но въ недостаткахъ правленія видѣть чуть не единственную причину бѣдности и невѣжества народа и государственныхъ бѣдствій, значитъ судить о вещахъ поверхностно и односторонне. Возьмемъ въ примѣръ хотя бы экономическое состояніе народа. Изобрѣтеніе и распространеніе машинъ произвело такой огромный переворотъ въ жизни народа и въ судьбахъ государства, какого не могутъ совершить никакія правительства, какъ бы ни были они могущественны. Конечно, хорошее правительство можетъ ослабить вредныя послѣдствія для народа машиннаго производства, но только въ малой мѣрѣ. Международная конкурренція, законы роста культуры и многія другія условія оказываютъ на судьбы и благосостояніе народа несравненно болѣе могущественное вліяніе, нежели какое бы то ни было правительство. Не должно упускать изъ вида и того, что недостатки правленія — плодъ недостатковъ народа, и уже поэтому одному ихъ не такъ-то легко исправить ни перемѣной формы правленія, ни другимъ какимъ способомъ.

Форма правленія наилучшая та, которая соотвѣтствуетъ духу, потребностямъ и интересамъ народа и пользамъ государства. По нашему глубокому убѣжденію духу русскаго на-

рода и пользамъ Русскаго царства наиболѣе соотвѣтствуетъ монархическій образъ правленія. Это чувствуетъ и молчаливо сознаетъ, а то и явно выражаетъ самъ русскій народъ въ своей массѣ, не смотря на то, что враги монархіи, преимущественно изъ инородцевъ, стараются вытравить изъ души русскаго народа его вѣру въ царя, его надежду на царя, его любовь къ царю. Огромные размѣры Русскаго царства и разноплеменность состава его населенія требуютъ, чтобы во главѣ его стояло лице, власть и значеніе котораго были бы непререкаемы, общепризнаны и высоки, и которое могло бы объединять всѣ племена Россіи и возглавлять все царство и тѣмъ поддерживать порядокъ. А таковъ и есть русскій православный царь, который по вѣрѣ народа возводится на престолъ Богомъ и есть отецъ—батюшка народа. По вѣрѣ народа замѣнить его кѣмъ бы то ни было столь же не возможно, какъ не возможно сыну признать своимъ отцемъ другаго человѣка, а не родителя.

Монарху, какъ единоличному главѣ государства, трудно управлять многомилліоннымъ народомъ, обширнымъ царствомъ, это правда. Но народъ, если онъ любитъ свое отечество, имѣетъ правильный взглядъ на истинныя пользы царства, самъ облегчитъ трудности правленія царя. Онъ будетъ идти вмѣстѣ и за одно съ царемъ, а не противъ него. Этого требуютъ его собственное благо, его собственные интересы.

Содѣйствіе народа царю въ управленіи страною, въ устроеніи государственнаго и народнаго блага, проявляется въ молитвахъ народа о царѣ, въ добросовѣстномъ исполненіи каждымъ гражданиномъ, и особенно чинами, занимающими важные посты, своихъ гражданскихъ обязанностей, въ самоотверженной любви къ отечеству и его главѣ.

Въ семьѣ не безъ урода. Семья Русскаго царства состоитъ изъ ста тридцати милліоновъ. Въ ней много разныхъ и даже враждебныхъ одно другому племенъ, исповѣдующихъ различныя религіи. Поэтому было бы пустой мечтой надѣяться, что всѣ подданные Россіи будутъ заботиться объ ея благѣ и о благѣ народа. Мало этого: въ Россіи всегда были, есть теперь и всегда будутъ враги ея. Но ни внутренніе, ни внѣшніе враги не причинятъ ей непоправимаго вреда, она не утратитъ своей цѣнности и могущества, внут-

реннія неурядицы и смуты, внѣшнія затрудненія и опасности не подорвутъ ея силы и благоденствія народа, она оправится и выйдетъ обновленной послѣ самаго тяжкаго лихолѣтья, если только русскій народъ въ своей массѣ, руководясь здравымъ смысломъ и чувствомъ самосохраненія, останется вѣренъ и преданъ тѣмъ твердынямъ своего бытія, которыя свыше тысячи лѣтъ обороняли и защищали его предки и которыми держалась, жила, крѣпла, мужала, росла и ширилась Русь. Эти твердыни — православная вѣра народа и православный царь. Православная вѣра—это душа, это сердце народа; православный царь—глава его. Безъ нихъ для него смерть, какъ умираетъ человѣкъ, раненый въ сердце или въ голову. Пусть же великій русскій народъ не слушаетъ тѣхъ, которые по недовѣрію къ этимъ твердынямъ, или изъ вражды къ нимъ, подкапываются подъ нихъ и увлекаютъ и сыновъ отечества въ эту разрушительную работу! Пусть не вѣритъ онъ льстивымъ рѣчамъ тѣхъ, которые прикидываются его друзьями и радѣтелями объ его благѣ, а на дѣлѣ ведутъ его къ вооруженнымъ мятежамъ, къ забастовкамъ и ко всяческимъ насиліямъ съ ихъ ужасными послѣдствіями: множество людей стали убійцами, великое множество людей убито, искалѣчено, попало на каторгу и въ тюрьму, разорено, и, что не менѣе страшно, во многихъ подавлено религіозное и нравственное чувство, упали благородныя требованія души и разыгрались звѣрскіе инстинкты, широко разлилась по нашей землѣ преступность въ видѣ звѣрскихъ убійствъ и дерзкихъ грабежей, обнаружилась въ огромныхъ размѣрахъ какая-то одичалость, либо ненормальное состояніе души народа. Мнимые друзья народа сулятъ ему волю, а сами разрушаютъ въ душѣ народа все святое: страхъ предъ Богомъ, подчиненіе закону, уваженіе къ порядку, признаніе чужой личности и чужой собственности неприкосновенными, покорность властямъ, уваженіе къ старшимъ и проч. А безъ этихъ основъ всякаго общежитія воля превращается въ произволъ, въ разнузданность и ведетъ къ насильничеству. Обѣщаютъ народу эти ложные друзья его землю, но хотятъ взять ее изъ чужаго кармана, даже внушаютъ взять чужую землю насильственно, съ оружіемъ въ рукахъ, между тѣмъ какъ уже одно внушеніе народу захватывать насильственно и безъ вознагражденія чужое имущество развращаетъ на-

родъ, разжигаетъ въ немъ хищничество, есть гнусное преступленіе противъ отечества, противъ блага страны, есть жестокое и безрасудное нападеніе на коренную основу общежитія и цивилизаціи. Неужели можно улучшить экономическое положеніе страны и обогатить бѣдняковъ, превративши послѣднихъ въ грабителей и разбойниковъ? Эти мнимые радѣтели о благѣ народа до того гнусны, преступны, или безумны, что вовлекали въ водоворотъ революціи юношей и даже дѣтей. Мнимые друзья народа прельщаютъ народъ несбыточными обѣщаніями дать ему довольство и счастіе только для того, чтобы привлечь его на свою сторону, взять его въ свои руки, какъ кузнецъ беретъ молотъ, и этимъ молотомъ разбить правительство. Народъ становится слѣпымъ орудіемъ, пушечнымъ мясомъ въ племенной и классовой борьбѣ за власть, за богатство, за преобладаніе. Что народъ, ставшій молотомъ, тяжко пострадаетъ отъ ударовъ о правительство, до этого мало дѣла называющимъ себя друзьями народа. Сулятъ они народу довольство и счастіе, но эти посулы не основаны на твердомъ и трезвомъ разсчетѣ. Въ этихъ надеждахъ на превосходство новаго строя жизни и новаго образа правленія много мечтательности, увлеченія, фразерства, самообмана и обманыванія другихъ. Много-ли изъ поборниковъ освободительнаго движенія, революціонныхъ и нереволюціонныхъ, оказалось людей съ трезвымъ политическимъ разумомъ? Кому изъ нихъ оказалась подъ силу надлежащая оцѣнка совершавшихся событій? А еще меньше нашлось людей, которые бы руководились не племенными, классовыми, партійными и личными интересами, а были воодушевлены безкорыстною любовью къ отечеству и созидательными, но не разрушительными заботами о народѣ. Напр., евреи принимали очень дѣятельное и широкое, чуть-ли даже не заправляющее участіе въ революціи; но сколько же нужно легкомыслія и дурачества, чтобы вѣрить, будто это космополитическое племя подвергало себя революціоннымъ опасностямъ ради блага Россіи, будто эти всесвѣтные эксплуататоры, отличающіеся жестокостію, безсердечностію, эгоизмомъ, жадностію и ненавистію къ христіанамъ, выступили на рискованную борьбу съ правительствомъ изъ состраданія къ обнищалому русскому крестьянину и къ бѣдному русскому рабочему, или изъ со-

жалѣнія къ Россіи, пострадавшей отъ разорительной и несчастной войны, или, наконецъ, изъ желанія обновить Россію! Русскіе называютъ поляковъ безмозглыми. И, дѣйствительно, по недостатку политическаго смысла поляки утратили свою политическую самостоятельность. Пожелаемъ же, чтобы русскій народъ проявилъ больше политическаго такта и не далъ повода иностранцамъ писать, что его невѣжество и легковѣріе составляютъ угрозу для цивилизаціи Европы. Да сохранится же въ сердцѣ русскаго народа грустная память и сожалѣніе о 1905 и 1906-мъ годахъ, потому что тогда русскіе, охваченные какою-то безразсудною злобой, братоубійственно проливали кровь русскихъ! Блага, добытыя кровавой борьбой, не прочны, фиктивны, ничтожны. Мирнымъ путемъ, хотя и не вдругъ, можно было бы достигнуть болѣе прочныхъ и болѣе значительныхъ улучшеній. Русь называется святой, но въ 1905 и 1906 годахъ она настолько запятнала себя междоусобнымъ кровопролитіемъ, грабежами, разбоями, что по крайней мѣрѣ на это время ей оказалось уже не къ лицу это почетное имя. Неужели забастовщики, насильственно *снимающіе* съ работъ желающихъ работать, погромщики, грабители, разбойники, душегубы, бунтари, революціонеры, а также пособляющіе имъ словомъ и перомъ, могутъ думать, что дѣло ихъ угодно Богу, низведетъ благословеніе Божіе на нихъ самихъ и на страну, принесетъ благо народу? Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ оправдываютъ же кощунственно и безумно свою разрушительную дѣятельность ссылками на Евангеліе. Нѣтъ, если русскій народъ желаетъ, чтобы и на будущія времена ему прилично было называться „Святою Русью“, да не допуститъ онъ никогда больше братоубійственной разбойнической междоусобицы! Да избавитъ Господь Русскую землю отъ кровавой междоусобицы, *дастъ Господь крѣпость людемъ своимъ, Господь благословитъ людиі своя миромъ*, и да пребудетъ наше дорогое отечество навсегда святою Русью!

II.

О НАРОДОВЛАСТІИ.

(По поводу статьи свящ. Петрова о свободѣ).

Въ „Русскомъ Словѣ“ 1905 года, № 280, была помѣщена статья священника Г. С. Петрова подъ заглавіемъ: „Для чего нужна свобода?“

Повидимому, и самъ свящ. Петровъ и редакція газеты придавали этой, какъ и нѣкорымъ другимъ политическимъ статьямъ о. Петрова, болѣе высокое значеніе, нежели какое имѣютъ фельетоны мелкой газеты: они распространяли ихъ въ народѣ отдѣльными листами, по копѣйкѣ за штуку, отпечатанными совершенно необычайнымъ крупнымъ шрифтомъ, какой употребляется развѣ только для большихъ церковныхъ евангелій.

Тема статьи высказана въ словахъ, напечатанныхъ курсивомъ: *Хозяинъ страны—народъ, а правительство—слуга народа.* Поэтому статья должа бы имѣть заглавіе: *О народовластіи.* Впрочемъ несоотвѣтствіе содержанія статьи заглавію ея—вещь не важная. Въ статьѣ обращаютъ на себя вниманіе способъ раскрытія и обоснованія идеи народовластія, а также и вообще авторскіе пріемы свящ. Петрова.

Если бы священникъ Петровъ при раскрытіи и обоснованіи идеи народовластія опирался на теоріи тѣхъ философовъ, юристовъ, историковъ, соціологовъ и экономистовъ, которые, начиная съ древнѣйшихъ временъ, а въ особенности въ послѣднія полтораста лѣтъ, изслѣдовали этотъ предметъ въ своихъ сочиненіяхъ, то не было бы и надобности опровергать взглядъ его на народовластіе, а нужно было бы считаться съ ученіями тѣхъ мыслителей, на которыхъ онъ ссылался бы. Вѣдь свящ. Петровъ не философъ, не исто-

рикъ, не юристъ, не финансистъ и не соціологъ, а потому можно ли и ожидать отъ него сужденій самостоятельныхъ и основательныхъ взглядовъ (о спеціальныхъ свѣдѣніяхъ уже и не говоримъ) касательно столь сложнаго вопроса, какъ вопросъ о народовластіи, и нужно-ли обращать вниманіе на разсужденіе писателя о предметѣ, о которомъ онъ не имѣетъ надлежащихъ, а можетъ быть даже и элементарныхъ свѣдѣній.

Но неосвѣдомленность свящ. Петрова въ наукахъ, къ области которыхъ относится ученіе о народовластіи, не остановила его бойкаго пера. Только вопросъ о народовластіи онъ разсмотрѣлъ на основѣ болѣе знакомой ему науки, на почвѣ богословія. Поэтому и обсуждать его взглядъ нужно съ богословской точки зрѣнія.

Въ своей статьѣ свящ. Петровъ ученіе о народовластіи прямо и рѣшительно называетъ „правдой Божіей“. Онъ основываетъ это ученіе на евангеліи, на словахъ Христа. Быть можетъ, онъ желалъ чрезъ это доставить больше авторитета своей статьѣ. Онъ приводитъ три слѣдующихъ изреченія Христа [1]).

1) *Сынъ человѣческій пришелъ не за тѣмъ, чтобы Ему служили, а чтобы Онъ Самъ послужилъ другимъ;*

2) *Кто у васъ нáбольшій, тотъ будь всѣмъ слуга;*

3) *Кому много дано, съ того много и взыщется.*

Читатель сразу видитъ, что во всѣхъ этихъ изреченіяхъ нѣтъ даже и словъ: царь, правитель, правительство, народъ, государство; ничего не сказано о народовластіи.

Въ частности, въ первомъ изъ приведенныхъ изреченій Іисусъ Христосъ говоритъ о себѣ не какъ о мірскомъ царѣ, какимъ онъ и не былъ — *царство Мое*, сказалъ Онъ, *не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36),—а какъ объ Искупителѣ міра, какъ о Спасителѣ людей. Это будетъ ясно, если слова Его привесть полностію: *Сынъ человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ* (Матѳ. 20, 28).

Христосъ пришелъ послужить всѣмъ — богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и простолюдинамъ, злымъ и добрымъ, чтобы

---

[1]) Помѣщаемъ слова Евангелія съ тѣми неточностями, какія допущены свящ. Петровымъ.

всѣхъ спасти. Въ дѣлѣ спасенія предъ Богомъ и Христомъ цари не выше нищихъ и нищіе не ниже царей. Что всѣ люди, не исключая и царей, должны подражать Христу въ дѣлѣ взаимнаго услуженія, это такъ; но именно взаимнаго услуженія. Не означаютъ же слова Христа того, что правительство должно служить народу, а народъ можетъ сидѣть сложа руки. Отецъ и мать должны сдѣлать все то добро и оказать всю ту помощь своимъ дѣтямъ, какія они могутъ сдѣлать; но это не означаетъ того, что власть въ семьѣ принадлежитъ не родителямъ надъ дѣтьми, а дѣтямъ надъ родителями, какъ равно не освобождаетъ дѣтей отъ обязанности дѣлать родителямъ, въ мѣру силъ и средствъ, добро и только добро. Въ разсматриваемыхъ словахъ Христа нѣтъ даже и намека на народовластіе и вообще на государственный строй и политическое взаимоотношеніе между народомъ и правительствомъ, или между различными классами общества.

Второе иезрченіе Христа свящ. Петровъ переиначилъ. Почему? По недостатку уваженія къ словамъ Христа? По незнанію? Или намѣренно? Христосъ не сказалъ: „Кто изъ васъ бо́льшій, тотъ будь всѣмъ слуга“, а сказалъ: „Кто *хочетъ* быть бо́льшимъ между вами, да будетъ вамъ слугой“ (Марк. 10, 43). Кто хочетъ, т. е., кто домогается быть бо́льшимъ, какъ домогались, и притомъ незаконно, самовольно, быть первыми и бо́льшими среди апостоловъ Іаковъ и Іоаннъ. Слова: кто хочетъ быть бо́льшимъ, не то же, что слова: кто есть бо́льшій.

А какой смыслъ имѣютъ подлинныя слова Христа?

Они были обращены къ апостоламъ Іакову и Іоанну, на ихъ самомнительное, возбудившее въ прочихъ ученикахъ негодованіе, домогательство—получить первенство надъ послѣдними въ царствѣ Христовомъ. Іисусъ Христосъ и говоритъ имъ, что они—не мірскіе правители, не князья, которые господствуютъ надъ народомъ. Ихъ званіе и служеніе духовное, а потому и власть ихъ должна имѣть совсѣмъ иной характеръ. Христосъ не отождествляетъ, а прямо противополагаетъ служеніе апостоловъ, а въ дальнѣйшихъ словахъ и свое служеніе, служенію мірскихъ правителей. *Между вами да не будетъ такъ*, говоритъ Онъ, *а кто хочетъ быть бо́льшимъ между вами, да будетъ вамъ слугою* (Марк. 10, 43). По отношенію къ настоящему, какъ и ко всякому времени, изъ

словъ Христа строго логически можно вывесть только то заключеніе, что преемники апостольскаго служенія — епископы и прочіе священнослужители—должны быть слугами всѣхъ, людей, и, конечно, прежде всего въ дѣлѣ ихъ спасенія, а потомъ уже и въ устроеніи ихъ житейскаго благосостоянія. А какъ должны поступать представители мірской, государственной власти, Іисусъ Христосъ не говоритъ.

Впрочемъ и по отношенію къ епископамъ и священникамъ слова Христа совсѣмъ не означаютъ того, будто не они должны имѣть власть,—конечно, духовную, — надъ своими паствами, а паствы должны господствовать надъ ними, будто епископы и священники—приказчики или работники своихъ пасомыхъ, а пасомые ихъ хозяева. Когда нѣкоторые изъ коринѳянъ стали пренебрегать пастырскою властью апостола Павла, то онъ строго порицалъ ихъ за это. Онъ проявилъ свою власть надъ Коринѳскою церковью и объявилъ себя не подсуднымъ ей, говоря, что для него очень мало значитъ, какъ судятъ о немъ коринѳяне, что судія ему — Господь (1 Кор. 4, 3. 4). Мало того: онъ прямо спрашиваетъ ихъ: *Чего вы хотите? Съ жезломъ прійти къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости?* (1 Кор. 4, 21). И онъ примѣнилъ на дѣлѣ жезлъ своей власти, отлучивши коринѳскаго кровосмѣсника съ цѣлью спасти его душу отъ погибели. А во второмъ посланіи къ коринѳянамъ онъ *и прежде согрѣшившимъ и всѣмъ прочимъ*, всѣмъ сомнѣвавшимся, говоритъ-ли въ немъ Христосъ, властно и строго говоритъ: *Когда опять прійду, не пощажу*, (2 Кор. 13, 2. 3). Въ настоящее время, когда многіе и очень многіе во имя свободы, человѣчности, новаго устроенія жизни, быта и правленія, интересовъ народа, домогаются поколебать и ниспровергнуть порядокъ, власть, законы, особенно благовременно не забывать оба посланія апостола Павла къ коринѳянамъ въ примѣненіи ихъ къ теперешнему состоянію русской церкви.

Третье изреченье относится рѣшительно ко всѣмъ, а не къ правительству только. Оно означаетъ, что кому дано десять талантовъ, съ того больше взыщется, нежели съ получившаго пять талантовъ. Рѣчь идетъ объ отчетѣ, который каждый отдаетъ въ своей жизни и дѣлахъ, о судѣ надъ каждымъ. Безспорно, что и съ правительства много взыщется, такъ какъ ему много дано. Чьему суду подлежитъ прави-

тельство? Какъ и всякій человѣкъ, оно подлежитъ суду Божію, суду потомства, суду исторіи, суду другихъ народовъ, суду своего народа, своихъ современниковъ. Но это не значитъ, что правительство—слуга народа, а народъ—его владыка, или что народъ есть единственный и исключительный его судья и распорядитель. Между правительствомъ и народомъ должна быть взаимопомощь. Правительство всѣ врученныя ему отъ Бога средства, а въ числѣ ихъ и законную власть, должно употреблять на благо народа и государства; но и народъ въ своей совокупности, въ отдѣльныхъ своихъ группахъ и въ отдѣльныхъ лицахъ долженъ не противодѣйствовать, а помогать правительству въ созиданіи блага народа и пользъ государства. *Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2).

Не находя въ приведенныхъ свящ. Петровымъ изреченіяхъ Христа ученія ни о народовластіи, ни о гражданскомъ правительствѣ или мірскихъ властяхъ, ни о взаимныхъ отношеніяхъ между правительствомъ и народомъ, мы считаемъ примѣненіе этихъ изреченій, безъ всякихъ ограниченій, къ мірскому правленію и къ государственной власти невозможнымъ потому, что въ государствѣ, и не въ нашемъ только, а во всякомъ, дѣйствуютъ нормы юридическія, правовыя, законническія, а въ Евангеліи заповѣданы идеалы и указаны нормы религіозныя и нравственныя. Конечно, законническія или правовыя нормы не противоположны религіознымъ и нравственнымъ нормамъ. Вѣдь и въ нихъ и чрезъ нихъ осуществляется одна изъ добродѣтелей, составляющая требованіе и нравственнаго закона, это—справедливость, правда. Но уже то одно обстоятельство, что въ законахъ государственныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ осуществляется только одна изъ добродѣтелей, указываетъ на узкость правового государственнаго и гражданскаго строя сравнительно съ широтой и многосодержательностію нравственнаго закона; а еще уже окажется мірской законъ (будемъ такъ его называть) въ сравненіи съ нравственнымъ, если съ послѣднимъ сливается законъ религіозный и если, притомъ, въ наличности имѣется религіозный и нравственный законъ не натуральный или естественный, а богооткровенный. А таковъ именно и есть религіозный и нравственный законъ евангельскій, Христовъ. Если даже объ откровенномъ законѣ ветхозавѣт-

номъ псалмопѣвецъ сказалъ: *широка заповѣдь Твоя зѣло* (Псал. 118), то что же сказать о широтѣ несравненно совершеннѣйшаго закона — евангельскаго! Но законъ евангельскій безконечно совершеннѣе мірскаго закона, хотя бы этотъ былъ наилучшій, не широтой только и всеобъемлемостію, не количественно только, а, что особенно важно—своею возвышенностію, чисто нравственнымъ характеромъ, святостію, безусловной истинностію, идеальностію, божественной силой. Между нимъ и мірскимъ закономъ такое же различіе, какъ между небомъ и землей. Законъ евангельскій—небесный законъ, а законъ мірской — земной; тотъ — законъ Божій, а этотъ—законъ человѣческій; тотъ—законъ истинный, святой, совершенный и возвышенный, а этотъ—законъ несовершенный и не могущій быть совершеннымъ. Законъ мірской даже и въ христіанскомъ государствѣ есть тѣнь закона евангельскаго. Задача евангельскаго закона—очистить людей отъ грѣха, сдѣлать ихъ святыми, возвесть на небо; задача мірскаго закона помѣшать водворенію ада на землѣ, предохранить и защитить добрыхъ отъ злыхъ, дать просторъ доброй дѣятельности, стѣснить и ограничить дѣятельность злотворную.

Законъ мірской не только разнороденъ и не согласенъ съ закономъ евангельскимъ, но иногда требованія перваго прямо противоположны требованіямъ втораго. Приведемъ примѣръ. Св. Серафимъ Саровскій, избитый въ своей отшельнической лѣсной избушкѣ грабителями до полусмерти, запретилъ настоятелю и братіи монастыря разыскивать злодѣевъ, угрожая, въ случаѣ неисполненія этого требованія, покинуть Саровъ. Поступая такъ, онъ подражалъ Христу, молившемуся на крестѣ за своихъ распинателей: *Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ*! (Лук. 23, 34). Онъ былъ истинный христіанинъ, святой человѣкъ, жилъ по евангелію. Монахи, согласно его желанію, не разыскивали преступниковъ. Но представители мірскаго закона, если бы они узнали о злодѣяніи, обязаны были бы отыскивать злодѣевъ, и чѣмъ болѣе они проявили бы въ этомъ дѣлѣ искусства и усердія, тѣмъ лучше. И если бы они открыли злодѣевъ, то законъ подвергъ бы ихъ заслуженной ими карѣ, не взирая на то, что лицо потерпѣвшее простило имъ злодѣяніе и не желало, чтобы они были разысканы и подвергнуты наказанію. Мірскія власти

поступаютъ такъ во всякихъ государствахъ, какова бы ни была въ нихъ форма правленія. Почему? Потому, что государство руководствуется юридической или законнической точкой зрѣнія, въ силу которой преступленіе наказывается съ цѣлію соблюсти права и интересы не потерпѣвшаго только лица, но еще правосудія и общества. Безнаказанность уничтожила бы охранительную силу провосудія въ явный ущербъ для общества: преступники стали бы повторять свои злодѣянія, число преступниковъ умножилось бы, а мирные и добрые граждане остались бы безъ охраны со стороны закона, и несчастія ихъ умножились бы. Можетъ-ли какое бы то ни было государство допустить это? И тѣмъ не менѣе это охранительное и карательное значеніе мірскаго закона существенно расходится съ требованіями закона евангельскаго.

Не нужно еще упускать изъ вида, что и въ наиболѣе благоустроенныхъ государствахъ правовая норма, несовершенная по самому существу своему, чрезвычайно понижается въ своемъ достоинствѣ на практикѣ, при осуществленіи ея въ жизни. Причинъ несоотвѣтствія осуществленія закона въ жизни самому закону очень много: несовершенство, устарѣлость и непрактичность иныхъ законовъ; излишній формализмъ, непониманіе смысла закона, упущенія, небрежность, злоупотребленія со стороны исполнителей закона и т. п.

Но если самыя совершенныя законническіи нормы, существующія даже въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ, государствахъ христіанскихъ, не совпадаютъ съ завѣтами евангелія, далеко и во всѣхъ отношеніяхъ ниже ихъ; то примѣнять къ правительству русскому, или какому угодно, нормы и идеалы евангелія и на основаніи этого мѣрила оцѣнивать, судить и осуждать его, значитъ обнаруживать политическую наивность. Вотъ общественная дѣятельность и личная жизнь пастыря, дѣйствительно, должны быть оцѣниваемы на основѣ евангельскихъ нормъ и идеаловъ. Онъ долженъ по возможности осуществлять ихъ въ своей жизни; подавать другимъ примѣръ жизни по евангелію и учить другихъ жить по евангелію. Но если бы онъ достигъ столь высокаго нравственнаго совершенства, что имѣлъ бы силу прощать и даже благотворить своимъ личнымъ врагамъ, нанесшимъ оскорбленіе словами и дѣйствіями его личности, или причинив-

шимъ ущербъ его имуществу, это отнюдь не давало бы ему права порицать и обвинять въ неевангельскомъ образѣ дѣйствованія судебныхъ слѣдователей за то, что они разъискиваютъ и уличаютъ подозрѣваемыхъ въ убійствахъ или другихъ преступленіяхъ, судей за то, что они присуждаютъ къ наказанію пойманныхъ и уличенныхъ преступниковъ, а правительство за то, что оно издало уголовные законы и учредило суды, да еще платитъ жалованье судьямъ. Представимъ себѣ такой случай. На свящ. Петрова, по ошибкѣ принявши его за другого священника, напалъ революціонеръ. Прибѣжавшій на помощь Петрову русскій патріотъ, а по терминологіи Петрова черносотенецъ, бросился на революціонера съ обнаженнымъ оружіемъ. Тогда свящ. Петровъ говоритъ черносотенцу: не убивай его и не мѣшай ему дѣлать со мной, что ему угодно. Это согласно съ евангеліемъ. Но вотъ другой случай. Революціонеръ занесъ ножъ надъ безоружнымъ черносотенцемъ. Оказавшійся здѣсь же священникъ Петровъ не только ничѣмъ не помогъ черносотенцу, но и прибѣжавшему на крики послѣдняго стражнику, бросившемуся на революціонера, воспретилъ дѣйствовать оружіемъ, приказалъ уйти и оставилъ черносотенца на произволъ судьбы. Поступокъ этотъ согласенъ съ евангеліемъ, или нѣтъ? Говоримъ это потому, что едва ли когда нибудь столь часто ссылались при оцѣнкѣ государственной и общественной жизни на заповѣди и идеалы евангелія, какъ въ наши дни. Однако замѣчательно, что словами евангелія измѣряютъ и безусловно осуждаютъ жизнь и дѣятельность людей иного политическаго лагеря; но къ самимъ себѣ и къ своему лагерю евангельской оцѣнки и не думаютъ примѣнять и тѣмъ обнаруживаютъ, что сами-то они въ своей жизни и дѣятельности всего меньше руководятся евангеліемъ.

Конечно хорошо было бы, если бы христіанскія государства были устроены по закону евангельскому; но... „радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“. Какъ устроить государства по евангелію, когда входящіе въ составъ ихъ народы въ одной своей части враждебны евангелію, въ другой равнодушны, въ третьей безсильны исполнить его требованія и только въ малой долѣ желаютъ и стараются жить по евангелію? Можетъ ли государство, хотя и христіанское, замѣнить юридическія, низшія нормы нравственными и религіозными,

высшими, когда этого не можетъ сдѣлать христіанская семья? Отецъ, передавая наслѣдство дѣтямъ, оформливаетъ передачу юридическими документами; братъ даетъ родному брату деньги подъ вексель, либо подъ закладную на его домъ или землю; женихъ обезпечиваетъ полученіе отъ тестя или тещи выговореннаго приданаго нотаріальнымъ документомъ; даже мужъ и жена, составляющіе по Писанію одну плоть, часто имѣютъ личное имущество, неприкосновенное для другой половины. Кстати скажемъ, что въ старину давали деньги на совѣсть, безъ документовъ, и должники почти всегда возвращали деньги. Почему? Потому что боялись Бога и людей стыдились. А теперь дать деньги на слово—глупость, безразсудство: даже и родной человѣкъ не отдастъ ихъ. Теперь деньги, даже данныя подъ залогъ имущества при прочныхъ документахъ, заимодавецъ не всегда получаетъ. Но это не значитъ, что дѣло портятъ документы, или юридическій строй. Замѣните теперь документы честнымъ словомъ, какъ прежде было, и вы совсѣмъ не получите денегъ, потому что нѣтъ прежней честности, нѣтъ стариннаго благочестія, упала нравственность. Но, съ другой стороны, такая безпомощность правоваго строя охранить интересы гражданъ даже и въ ихъ личныхъ сдѣлкахъ заставляетъ признать мечтательными надежды сторонниковъ освободительнаго движенія на то, что правовой строй парламентскаго управленія страной уврачуетъ всѣ недуги русскаго народа и Русскаго государства и водворитъ свободу, правду и счастіе въ Русской землѣ.

Добавимъ, что въ нашемъ государственномъ строѣ и въ массѣ русскаго народа остались еще, къ счастію, черты патріархальнаго быта; важнѣйшія изъ нихъ: взглядъ на государя, какъ на отца народа и какъ на помазанника Божія, довѣріе и любовь къ нему, повиновеніе ему не за страхъ, а за совѣсть, преданность ему и отечеству, а съ другой стороны, отношеніе царя къ народу, какъ отца къ своей семьѣ. Этотъ патріархально - семейный и религіозно - нравственный духъ взаимныхъ отношеній между царемъ и народомъ ослабляетъ недостатки правоваго строя, восполняетъ и возвышаетъ этотъ послѣдній. Поэтому недобрую услугу оказываютъ русскому народу и Русскому государству тѣ, которые, подобно священнику Петрову, вытравляютъ этотъ духъ. Чѣмъ

болѣе они подорвутъ довѣріе и преданность народа царю и вліяніе царя на народъ, тѣмъ болѣе вреда принесутъ этому самому народу и Русскому царству. Отвлеченный законъ никогда не замѣнитъ духа жизни народа, созданнаго народомъ и оживлявшаго народъ въ теченіе тысячи лѣтъ. Читая нотаціи правительству за его дѣятельность, не соотвѣтствующую евангелію, и въ то же время восхваляя народъ за его мятежническую борьбу противъ правительства, свящ. Петровъ или противорѣчитъ себѣ, или говоритъ не искренно; потому что любовь и преданность народа царю, вытравляемыя изъ души народа революціонерами и свящ. Петровымъ, ближе къ духу и ученію Евангелія, нежели чисто правовой строй, неизбѣжный при народовластіи.

Сославшись на изреченія евангелія, въ которыхъ нѣтъ и намека ни на политическую и гражданскую свободу, ни на правовое устройство государства, ни на народовластіе, ни вообще на какой бы то ни было способъ политическаго правленія, свящ. Петровъ самоувѣреннно, догматически изрекаетъ правила народовластія, какъ какія либо аксіомы.

Онъ говоритъ: „правительство—ставленникъ. Чей ставленникъ? Народа.“

Прежде всего не видно, разумѣетъ-ли онъ подъ правительствомъ верховную власть, проще—царя, или администрацію, бюрократію, или то и другое вмѣстѣ.

Разсматривая выставленное положеніе по существу, мы должны сказать, что многіе государствовѣды дѣйствительно признаютъ суверенитетъ или верховенство власти за народомъ. И если бы свящ. Петровъ сказалъ, что это признаютъ такія-то и такія-то школы, такіе-то и такіе-то ученые, иностранные и русскіе, и что онъ присоединяется къ ихъ воззрѣнію, то, въ такомъ случаѣ, пришлось бы опровергать или признать истиннымъ воззрѣніе тѣхъ ученыхъ, не обращая вниманія на голосъ свящ. Петрова. Но вѣдь свящ. Петровъ свое ученіе о народовластіи усиливается обосновать на Священномъ Писаніи. А Писаніемъ приведенное изреченіе не только не подтверждается, а даже прямо опровергается. Св. Петрову, конечно, хорошо извѣстны слова апостола Павла: *Нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены* (Римл. 13, 1); но онъ почему-то умолчалъ о нихъ. Если даже въ этихъ словахъ подъ существующими

властями разумѣть суверенитетъ или верховенство народа, то и въ такомъ разѣ нельзя не удивляться, что Петровъ, будучи священникомъ, умалчиваетъ о высочайшемъ источникѣ власти—Богѣ, не взирая на прямое и рѣшительное свидѣтельство апостола. Но на самомъ дѣлѣ апостолъ имѣетъ въ виду не верховенство народа. Вѣдь эти слова находятся въ посланіи его къ римлянамъ. А у римлянъ въ то время верховная, даже неограниченная, власть была въ рукахъ цезаря, императора, которымъ были поставляемы и отъ котораго зависѣли всѣ власти въ государствѣ, во всемірной Римской имперіи. Очевидно, римскаго императора и римскія судебныя и административныя власти апостолъ и разумѣетъ. Вѣдь онъ писалъ не философскій или юридическій трактатъ; онъ не отвлеченно разсуждаетъ о власти, безотносительно къ мѣсту и времени. Посланія апостоловъ всегда имѣли практическое, наставительное значеніе и имѣли въ виду прежде всего тѣхъ, къ кому они были посылаемы. Въ частности и рѣчь апостола Павла о власти имѣла наставительное для римскихъ христіанъ значеніе, какъ это ясно видно изъ словъ, что не должно противиться власти, что противящіеся навлекутъ на себя осужденіе, что начальствующіе страшны только для злыхъ, что кто хочетъ не бояться власти, тотъ пусть дѣлаетъ добро, что нужно повиноваться власти не по страху только, а по совѣсти, что начальникъ есть Божій слуга и носитъ мечъ для мщенія злымъ.

Но, можетъ быть, апостолъ подъ властію, установленной Богомъ, разумѣетъ власть народа, въ данномъ случаѣ верховную власть населенія Римской имперіи, отъ которой уже стоятъ въ зависимости власть цезарей, получившихъ ее отъ народа, и власть прочихъ начальниковъ, получившихъ ее отъ цезарей. Вложить такой смыслъ въ слова апостола, конечно, желательно такимъ „народовластникамъ“, какъ свящ. Петровъ. Но понимать такъ слова апостола нельзя уже потому, что въ такомъ случаѣ они были бы не согласны съ исторіей. Римскіе цезари не были избраны народомъ Римской имперіи и не отъ него они получили власть свою. Первые цезари уничтожили ранѣе существовавшій въ Римѣ образъ правленія—республиканскій и замѣнили монархическимъ образомъ правленія диктаторски, по своей волѣ, опираясь на легіоны, а легіоны подчинились имъ и стояли

за нихъ потому, что они прославились военными подвигами блескомъ побѣдъ и завоеваній. Народъ и сенатъ римскіе хотя бы и не желали признать ихъ своими властелинами, ничего не могли сдѣлать, такъ какъ власть въ концѣ концовъ остается за тѣмъ, на чьей сторонѣ войско. А послѣдующіе цезари занимали престолъ Римской имперіи наслѣдственно, либо опять таки были возводимы на него войскомъ. Многочисленные народы, входившіе въ составъ Римской имперіи, не исключая и самого римскаго народа, населявшаго Италію съ Римомъ, не принимали ни малѣйшаго участія въ избраніи или возведеніи на престолъ цезарей.

Самый характеръ и содержаніе рѣчи апостола о властяхъ показываетъ, что онъ говорилъ о дѣйствительныхъ тогдашнихъ властяхъ, а не отвлеченно о верховенствѣ всего населенія Римской имперіи. Напр., онъ говоритъ о начальникахъ, какъ носящихъ мечъ; даетъ наставленіе, какъ можно не бояться власти и заслужить похвалу отъ нея; увѣщеваетъ повиноваться власти. Развѣ христіане, жившіе въ Римѣ, могли бояться народовъ Римской имперіи въ ихъ совокупности, повиноваться имъ, или противиться имъ?

Само собой понятно, что, увѣщевая римлянъ своего времени повиноваться властямъ римскимъ—цезарю и всѣмъ начальствовавшимъ, апостолъ тѣмъ самымъ заповѣдуетъ всѣмъ людямъ подчиняться тѣмъ властямъ, какія въ какое время и въ какой странѣ будутъ. Онъ говоритъ: *всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ* (Римл. 13, 1). Онъ указываетъ и высокое, непререкаемое для христіанъ всякаго времени и мѣста, основаніе этой покорности,—то именно, что нѣтъ власти, которая была бы не отъ Бога, что существующія власти установлены отъ Бога, и что противящійся власти противится Божію установленію. Такимъ образомъ ясно, что апостолъ Павелъ высшую, т. е. верховную, власть признаетъ происходящей отъ Бога, установленной отъ Бога, и по этой причинѣ требуетъ покорности или подчиненія ей. Откуда же свящ. Петровъ взялъ, что правительство есть ставленникъ народа?

Въ библейской исторіи еврейскаго народа были даже событія, записанныя въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, которыя дѣломъ подтверждаютъ ученіе апостола, что высшія власти поставляются Богомъ. Такъ при самомъ началѣ учре-

жденія царской власти въ народѣ еврейскомъ первый царь этого народа Саулъ былъ избранъ Богомъ, и Богъ же указалъ его Самуилу, а потомъ и народу, который, за исключеніемъ немногихъ, сейчасъ же призналъ его своимъ царемъ. Богъ избралъ и назначилъ своего избранника царемъ, а не предоставилъ этого дѣла самому народу, не взирая на то, что желаніе имѣть царя исходило отъ народа, и что Богъ не одобрялъ этого желанія, такъ какъ въ немъ скрывалось домогательство народа освободиться отъ непосредственнаго водительства Божія, смѣнить теократическое управленіе монархическимъ, замѣнить Божіе правленіе человѣческимъ,— такимъ, какое было у прочихъ народовъ. И мало того, что избралъ, назначилъ и указалъ народу его перваго царя: Онъ повелѣлъ еще Самуилу помазать его на царство. И это произвело въ Саулѣ переворотъ: *Богъ далъ ему иное сердце*, а когда сошелъ на него Духъ Божій, то онъ сталъ пророчествовать. Все это разсказано въ Первой книгѣ Царствъ, въ 8-й, 9-й и 10-й главахъ. И по словамъ Самуила Богъ упрочилъ бы его царствованіе надъ Израилемъ на всегда Но такъ какъ Саулъ уже по вступленіи на престолъ не исполнилъ повелѣнія Господа, то Самуилъ ему сказалъ, что теперь не устоять его царствованію (1 Цар. 13 гл.). Это потомъ и оправдалось: въ сраженіи на горѣ Гелвуѣ израильтяне были разбиты филистимлянами, трое сыновей Сауловыхъ были убиты, а самъ Саулъ, чтобы не попасться въ руки враговъ, палъ на свой мечъ и умеръ (1 Цар. 31 гл.). Раньше еще смерти Саула Господь отступилъ отъ него (1 Цар. 18, 12), *отступилъ* отъ него *Духъ Господень и возмущалъ его злой духъ отъ Господа* (1 Цар. 16, 14). Раньше же смерти Саула и его сыновей Богъ указалъ Самуилу на семью Іессея, Виѳлеемленина, и изъ восьми сыновей Іессея указалъ на самаго младшаго—Давида, какъ на преемника Саулу, и Самуилъ помазалъ его на царство, *и почивалъ Духъ Господень на Давидѣ съ того дня и послѣ* (1 Цар. 16 гл., 2 Цар. 12, 7). Богъ же предъизбралъ на царство изъ многихъ сыновей Давидовыхъ Соломона еще при жизни Давида (1 Паралип. 28, 5—7). Богъ отторгнулъ отъ сына и преемника Соломонова Ровоама половину царства, сѣверную, сдѣлавшуюся особымъ царствомъ—израильскимъ, и поставилъ вождемъ его Іеровоама, возвысивши его изъ среды простого

народа (3 Цар. 14, 7. 8). Но такъ какъ Іеровоамъ и его потомки—преемники не жили по заповѣдямъ Божіимъ, то чрезъ пророка Ахію было предречено женѣ Іеровоама, что *возставитъ Себѣ Господь надъ Израилемъ царя, который истребитъ домъ Іеровоамовъ* (3 Цар. 14 гл.). Дѣйствительно, въ свое время по повелѣнію Божію былъ помазанъ на царство Израильское нѣкто Іуй и сдѣлался царемъ израильскимъ, истребивши царствовавшій домъ (3 Цар. 19, 16; 4 Цар. 9 и 10 главы). Безъ сомнѣнія, Богъ поставлялъ и низлагалъ не однихъ только царей Израильскаго и Іудейскаго царства. *Онъ низлагаетъ царей и поставляетъ царей*, говоритъ пророкъ Даніилъ о всякихъ вообще царяхъ (Дан. 2, 21). Пусть въ иныхъ случаяхъ избираетъ себѣ въ цари то или другое лицо народъ, какъ напр. въ смутное время русскій народъ избралъ царемъ Михаила Ѳедоровича Романова; но народъ избираетъ и поставляетъ царемъ того, кто уже предъизбранъ и предназначенъ быть царемъ волей Божіей. Пришлось бы отвергнуть промыслъ Божій о людяхъ и о человѣческомъ родѣ, если бы даже въ дѣлахъ такой огромной важности, какъ избраніе царей, не было признано главенствующаго значенія за волей Божіей. Извѣстная поговорка: „гласъ народа—гласъ Божій“, не означаетъ ни того, что голосъ народа столь же и всегда безошибоченъ, истиненъ и святъ, какъ голосъ Бога, ни того, что Богъ всегда дѣлаетъ то, чего ни захочетъ народъ: она означаетъ, что голосъ народа есть проявленіе воли Божіей, то внушающей народу его голосъ и одобряющей его, то попускающей его проявленіе и осуществленіе. Послѣдній случай бываетъ тогда, когда желаніе народа не согласно съ волей Божіей и не соотвѣтствуетъ благу самого народа, но осуществляется въ силу настойчивости этого желанія, которое въ свою очередь есть неизбѣжное проявленіе природнаго характера народа и того состоянія, въ какомъ онъ находится въ извѣстное время. Почему Богъ поступаетъ такъ? Во-первыхъ, потому, что Онъ не желаетъ нарушать свободы не только народа, но и каждаго человѣка; во-вторыхъ, потому, что народъ бываетъ достоинъ той участи, хотя бы и печальной, которая вытекаетъ изъ его настойчиваго желанія, опредѣляемаго природой народа и состояніемъ, въ какомъ онъ находится. Примѣръ видимъ въ исторіи еврейскаго народа. Этотъ народъ заявилъ Саму-

илу желаніе имѣть царя, какъ у прочихъ народовъ, мотивированное тѣмъ, что сыновья Самуила судили народъ неправедно. Это желаніе не понравилось Самуилу, не угодно оно было и Богу, и Богъ чрезъ Самуила убѣждалъ народъ отказаться отъ этого желанія, представивши крупныя невыгоды и тяжести для самого народа отъ желаемаго имъ новаго образа правленія. Но народъ остался непреклоненъ. А Богъ, предвидя это, еще раньше сказалъ Самуилу: *послушай голоса народа во всемъ, что они говорятъ тебѣ* (1 Цар. 8, 7). Почему послушай? Не потому, что и должно было послушаться народа, не потому, что онъ желалъ блага, а потому, что таковъ народъ, поневолѣ нужно согласиться съ нимъ. *Не тебя они отвергли*, сказалъ Богъ Самуилу, *но отвергли Меня, чтобъ Я не царствовалъ надъ ними. Какъ они поступали съ того дня, въ который Я вывелъ ихъ изъ Египта и до сего дня оставляли Меня и служили инымъ богамъ, такъ поступаютъ они и съ тобою. И такъ послушай голоса ихъ* (1 Цар. 8, 7—9). Эти слова ясно показываютъ, что гласъ народа, согласный съ природой, характеромъ, духомъ и наклонностями народа, не всегда, однако, бываетъ согласенъ съ волей и голосомъ Божіимъ.

Когда историки и соціологи, юристы и финансисты, философы и экономисты въ дѣлѣ устроенія государства признаютъ волю народа верховной, совсѣмъ умалчивая о первоверховной промыслительной волѣ Божіей, то удивляться этому нечего. Мы не говоримъ уже о томъ, что иные изъ нихъ и въ Бога то не вѣруютъ, а если и вѣруютъ, то мало знаютъ Библію и мало придаютъ значенія религіи въ судьбахъ человѣчества. Помимо всего этого они поставляютъ задачей изслѣдовать, открыть и объяснить только естественные законы, причины и условія жизни и развитія народовъ и ихъ государственнаго устройства. Все это они изслѣдуютъ разсудочно на основаніи историческихъ и другихъ матеріаловъ. Но разсудочный анализъ не настолько тонокъ и слишкомъ одностороненъ, чтобы ученые люди въ естественныхъ законахъ общежитія почуяли и усмотрѣли соприсутствіе высшей неземной силы. Совсѣмъ иное нужно сказать о Петровѣ. Какъ богословъ, какъ священникъ, опирающійся притомъ въ своей статьѣ на евангеліе, онъ долженъ знать приведенныя выше событія изъ библейской исторіи еврей-

скаго народа и, что еще важнѣе, вѣрить въ истинность повѣствованія о нихъ, а вѣруя, проповѣдывать вѣру, учить согласно съ Словомъ Божіимъ. Плохой тотъ богословъ и неистинный тотъ пастырь, кто указываетъ только тѣ реченія Священнаго Писанія, которыя по видимости подтверждаютъ заимствованные имъ отъинуду взгляды, и замалчиваетъ тѣ мѣста, которыми послѣдніе ниспровергаются.

Назвавши, вопреки Писанію, правительство ставленникомъ народа, священникъ Петровъ дальше заявляетъ: „Правительство—слуга народа“. Но Писаніе говоритъ опять таки совсѣмъ иное. По ученію апостола Павла, *начальствующій есть Божій слуга* (Римл. 13, 4. 5). Усиленно, троекратно повторяетъ апостолъ, что начальникъ есть *Божій слуга*.

Свящ. Петровъ еще изрѣкаетъ: „Правительство—только исполнитель народной воли“. Это опять не правда. Апостолъ Павелъ прямо и рѣшительно заповѣдуетъ: *Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ* (Римл. 13, 1). Конечно, цѣлый народъ не тоже, что каждый человѣкъ этого народа въ отдѣльности. Однако если всякая душа народа должна быть покорна высшей власти, то и всѣ души народа должны подчиняться ей, ибо народъ составляется изъ отдѣльныхъ душъ.

Апостолъ указываетъ и основанія такого подчиненія. *Власти*, говоритъ онъ, *установлены отъ Бога. Поэтому противящійся власти противится Божію установленію* (Римл. 13, 1. 2). Такъ какъ далѣе, противленіе волѣ Божіей есть грѣхъ, а грѣхъ влечетъ за собой наказаніе, то апостолъ Павелъ присовокупляетъ предостереженіе, какъ бы угрозу, говоря: *А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе* (Римл. 13, 2).

И такъ, по прямому, ясному и безспорному ученію апостола Павла правительство—ставленникъ Божій, а не народа; оно—слуга Божій, а не народа. Апостолъ не сказалъ, что правительство—только исполнитель народной воли, а, напротивъ, заповѣдалъ, чтобы всякая душа была покорна высшимъ властямъ.

Кстати, въ настоящее время со всѣхъ сторонъ раздаются соболѣзнованія о зависимости русской православной церкви отъ правительства. Утверждаютъ, что эта зависимость, начавшаяся съ Петра Великаго, заразила іерархію духомъ раболѣпія, отняла у нея мужество и силу и тѣмъ нанесла огром-

ный вредъ Церкви. Признавая эту зависимость совершенно несогласной съ духомъ евангелія и чрезвычайно вредной для церкви и христіанства, писатели свѣтскіе и духовные на перерывъ требуютъ освобожденія Церкви отъ государства, полнаго простора дѣятельности іерархіи и самой паствы. Надѣются и даже высказываютъ увѣренность, что освобожденіе пастырей и мірянъ отъ гнета государства въ дѣлахъ церковныхъ уничтожитъ недовѣріе мірянъ къ пастырямъ, тѣхъ и другихъ возбудитъ отъ спячки, развяжетъ всѣмъ руки и языки, и нива церковная изъ безплодной пустыни превратится въ тучную пажить и разцвѣтетъ чуть-ли не съ такимъ же блескомъ, какъ въ первые вѣка христіанства. Иные добавляютъ, что даже и помощь государства Церкви вредила этой послѣдней, усыпляя пастырей Церкви надеждами на внѣшнюю силу и подрывая довѣріе къ нимъ.

Предметъ этотъ очень сложный, подробное обсужденіе его слишкомъ отвлекло бы насъ въ сторону, а потому мы выскажемъ только свой взглядъ на него безъ обстоятельнаго изслѣдованія и подробнаго обоснованія.

Во-первыхъ, и мы признаемъ зависимость, не Церкви однако, а собственно іерархіи, отъ государственной власти въ Россіи чрезмѣрной и считаемъ желательнымъ и полезнымъ, какъ для Церкви, такъ и для государства, дарованіе бо́льшей свободы іерархіи и паствѣ въ дѣлахъ церковныхъ.

Во-вторыхъ, писатели свѣтскіе и духовные въ настоящее время сильно преувеличиваютъ ущербъ, нанесенный іерархіи, а чрезъ нее и Церкви, чрезъ зависимость первой отъ свѣтской власти, а съ другой стороны—умаляютъ или и совсѣмъ замалчиваютъ пользу, приносимую правительствомъ Церкви. То и другое будетъ сознано, но только не теперь: теперь по духу времени во всемъ винятъ государственную власть, и безпристрастная, трезвая и правильная оцѣнка взаимнаго отношенія между Церковью и государствомъ почти не возможна.

Въ-третьихъ, надежды на то, что съ освобожденіемъ Церкви отъ государственныхъ гнета и опеки Церковь освободится отъ безсилія и недужности, разцвѣтетъ и усилится, мечтательны. Въ эпохи, подобныя переживаемой теперь, въ эпохи перехода отъ стараго строя къ новому, люди легко впадаютъ въ преувеличенія въ порицаніяхъ стараго строя и въ хва-

лебныхъ пѣсняхъ ожидаемымъ новымъ порядкамъ. Люди становятся похожи на юношей, которымъ ихъ будущность представляется въ радужномъ свѣтѣ. Но время, суровый жизненный опытъ заставляетъ ихъ потомъ разочароваться чуть не во всѣхъ своихъ надеждахъ. Опытъ жизни покажетъ, что старое было уже не такъ плохо, чѣмъ какимъ оно казалось въ эпоху смуты, разочарованія и недовольства, а съ другой стороны, и новое далеко не оправдаетъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ.

Въ-четвертыхъ, полное отдѣленіе Церкви отъ государства, чего требуютъ революціонныя и вообще лѣвыя партіи, есть дѣло безразсудное, вредное для Церкви не меньше, чѣмъ для государства, и даже невозможное. Уже то одно, что этого раздѣла домогаются люди или равнодушные къ вѣрѣ, или прямо невѣрующіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебные къ существующему государственному образу правленія, предвѣщаетъ огромный вредъ отъ раздѣла какъ для Церкви, такъ и для государства, даже до степени полнаго разгрома ихъ. Это домагательство враговъ Церкви и государства раздѣлить ихъ на два обособленныхъ, а если возможно, и непріязненныхъ другъ другу лагеря, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о томъ, что Церковь и государство въ цѣляхъ своего самосохраненія, для соблюденія своихъ пользъ и для преуспѣянія должны идти рука объ руку, быть въ тѣсномъ союзѣ, помогать другъ другу, а не быть равнодушными другъ къ другу и тѣмъ болѣе не враждовать и не бороться другъ противъ друга. Конечно, взаимное общеніе и взаимное содѣйствіе Церкви и государства дѣлаетъ неизбѣжной и ихъ взаимную зависимость, но въ этомъ нѣтъ большой бѣды: вредъ, причиняемый Церкви зависимостью ея отъ государства, можетъ быть вознагражденъ съ избыткомъ пользой отъ взаимообщенія Церкви съ государствомъ, пользой для обѣихъ сторонъ, и не матеріальной только.

Въ-пятыхъ, иные теперешніе писатели служеніе и подчиненіе Церкви государству признаютъ несогласнымъ съ евангеліемъ, съ духомъ и задачами Церкви. Но неужели апостолъ Павелъ меньше ихъ былъ проникнутъ духомъ евангелія, хуже ихъ понималъ ученіе Христа, права, обязанности и пользы Церкви, меньше ихъ радѣлъ о благѣ христіанства? А между тѣмъ онъ не только дозволилъ, а прямо заповѣдалъ всякой

душѣ, не исключая, можно думать, и пастырей Церкви, быть покорной высшимъ властямъ.

Въ шестыхъ, когда христіанская Церковь имѣла меньше гражданскихъ и всякихъ иныхъ правъ? Когда она пользовалась меньше гражданской и всякой иной свободой? Не въ первые ли вѣка своего существованія? Тогда христіане не имѣли права проповѣдывать свою вѣру и подвергались смертной опасности даже за одно исповѣданіе своей вѣры, за одно имя христіанъ. Тогда они были окружены язычниками, которые, какъ представители господствующей въ государствѣ религіи, имѣли всю власть и силу въ своихъ рукахъ и употребляли ихъ для попранія и искорененія христіанской религіи, считавшейся зловредной, враждебной и опасной язычеству и самому государству. Христіанъ принуждали отрекаться отъ Христа, а въ случаѣ несогласія мучили и убивали ихъ. Не менѣе враждебно относились къ нимъ іудеи. Да и число христіанъ было ничтожно въ сравненіи съ облегавшей и угнетавшей ихъ массой враговъ. И однако никогда христіанство не было столь могущественно и прекрасно, какъ въ первые вѣка, и побѣда осталась зя нимъ. Побѣда надъ кѣмъ или чѣмъ? Надъ язычествомъ. Христіане не боролись ни съ царями, ни съ прочими властями, ни вообще съ государствомъ, не смотря на то, что они были языческіе и враждебные христіанству. Совсѣмъ напротивъ. Вотъ что отъ лица христіанъ говоритъ, обращаясь къ римскимъ императорамъ, Св. Іустинъ Философъ: „Мы вездѣ стараемся прежде всего платить подати и повинности поставленнымъ отъ васъ чиновникамъ, ибо такова Его заповѣдь... *Отдавайте кесарево кесарю и Божіе Богу.* Поэтому хотя покланяемся единому Богу, но въ другихъ отношеніяхъ и вамъ охотно служимъ, признавая васъ царями и правителями людей и молясь о томъ, чтобы вы, при царской власти, были одарены и здравымъ сужденіемъ“ [1]). Это согласно съ заповѣдію апостола Павла: *прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей, и за всѣхъ правительствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 1, 2).

[1]) Апологія первая, представленная въ пользу христіанъ Антонину Благочестивому. § 17.

Все это нужно бы помнить, твердо помнить многимъ тепѣ-решнимъ борцамъ „за свободу“. Во имя правды, ссылаясь на высокіе идеалы евангельскіе, одни изъ нихъ ратуютъ за освобожденіе Церкви отъ власти и опеки правительства, другіе хлопочутъ о благѣ народа, разумѣя собственно простонародье: требуютъ скорѣйшаго осуществленія всевозможныхъ мѣропріятій для уравненія его въ правахъ съ другими сословіями, для поднятія его матеріальнаго благосостоянія и т. п. Но въ этихъ благочестивыхъ по виду желаніяхъ скрыта, а то и явно выступаетъ, злоба противъ правительства, ненависть и зависть къ имущимъ классамъ, домогательство властвованія, науськиваніе низшихъ классовъ противъ высшихъ, народа противъ властей и противъ царя, животная, не разбирающая средствъ, борьба за существованіе, даже разнузданное своеволіе, борьба страстей, племенная вражда, увлеченіе сумазбродными и утопическими ученіями, призывъ къ мятежу, къ кровопролитію. Начавши ученіемъ Христа, кончаютъ дѣлами діавола. Мѣсто-ли молитвѣ за царя и за всѣхъ, когда и устное и печатное слово пропитано безсовѣстной ложью, наглой клеветой, злобой и ненавистью, завистью и враждой, когда оно скрыто или явно призываетъ къ бунту, къ забастовкамъ, къ насиліямъ, къ грабежамъ, къ рѣзнѣ? Въ результатѣ вмѣсто тихаго и безмолвнаго житія еще бо́льшее обнищаніе и разореніе того самаго народа, о матеріальномъ благосостояніи котораго будто бы хлопочутъ борцы за его свободу и права; разоренные обнищали, разорители стали преступниками; одни убиты или искалѣчены, другіе стали убійцами; ученики бунтуютъ противъ учителей; братья проливаютъ кровь братьевъ; вдовы и сироты оплакиваютъ своихъ погибшихъ кормильцевъ и голодаютъ. Русская земля переполнилась кровью и слезами. Чего же было и ждать, когда печать систематически, злонамѣренно мутила народъ, усиливала недовольство правительствомъ, разжигала страсти, будила классовую непріязнь, призывала къ бунту? И все это провозглашали во имя блага народа подъ предлогомъ заботъ объ униженныхъ и обездоленныхъ, подъ флагомъ человѣколюбія, съ цѣлію дать всѣмъ свободу, ссылались на ученіе Христа. Кто такъ говорили? Да тѣ, которые примѣняли іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства. И какія сред-

ства? Гнусныя, злодѣйскія, прямо разбойническія. Желавшіе освобожденія призывали къ насилію и производили насиліе. Радѣтели о благахъ народа разоряли этотъ самый народъ. Поклонники свободы насильно навязывали народу народовластіе, котораго онъ не желаетъ, и отвергали царя, котораго онъ чтитъ, какъ отца своего и какъ помазанника Божія. Призывали къ евангельскому милосердію, а сами разжигали вражду и прославляли убійцъ.

Вотъ, напр., священникъ Петровъ читаетъ назидательныя наставленія правительству изъ Евангелія, а самъ переиначиваетъ слова Евангелія и извращаетъ ихъ смыслъ. Мало этого, съ легкомысліемъ фельетониста, какъ балаганный клоунъ, онъ сравниваетъ русское правительство съ Голіаѳомъ, а русскій народъ съ Давидомъ, убившимъ Голіаѳа камнемъ изъ пращи. Голіаѳъ былъ иновѣрецъ по отношенію къ народу еврейскому и вмѣстѣ съ филистимлянами шелъ покорить и поработить его; а русское правительство, какъ бы оно ни было ничтожно или зловредно въ глазахъ свящ. Петрова, всетаки исповѣдуетъ одну съ русскимъ народомъ православную вѣру. Голіаѳъ былъ иноплеменникъ для евреевъ; а русское правительство единоплеменно съ русскимъ народомъ, составляющимъ три четверти всего населеніи Россіи, и русскій народъ съ своими царями и его цари съ своимъ народомъ создали могущественное и обширнѣйшее Русское царство. Затѣмъ, неужели свящ. Петрову не извѣстно, что противъ русскаго правительства боролся и борется вовсе не русскій народъ, а только часть его, и въ этой части главари не столько русскіе, сколько евреи. Давидъ осмѣлился выступить на единоборство съ Голіаѳомъ и поразилъ его потому, что одушевленъ былъ духомъ Божіимъ, говоря Голіаѳу: „*я иду противъ тебя во имя Господа Саваоѳа, Бога воинствъ израильскихъ* (1 Цар. 17, 45); а революціонеры, возжигающіе пламя бунта въ русскомъ народѣ противъ русскаго правительства, развѣ они дѣйствуютъ во имя Бога? Многіе-ли изъ нихъ вѣруютъ въ Бога? Во всякомъ случаѣ бунтъ, междоусобная брань не Божіе дѣло? Давидъ боролся за свое отечество, за свой народъ, за своего царя; а эти безпочвенные, антинаціональные космополиты за кого и за что они борются? Они говорятъ, что они борются за русскій

народъ, за бѣднѣйшую часть русскаго народа. Но если бы они, не говоримъ любили, а хотя бы жалѣли русскій народъ, то рѣшились-ли бы они производить забастовки, разоряющія народъ? Не любятъ и не цѣнятъ они и Россію, какъ государство, а иначе они не стали бы предлагать автономіи окраинъ Россіи, пріобрѣтенныхъ цѣною потоковъ русской крови, не стали бы строить планы о разчлененіи Россіи, объ образованіи изъ единой и нераздѣльной Россіи федераціи самостоятельныхъ частей. Не будетъ-ли такая федерація напоминать удѣльнаго устройства Руси съ его кровавыми междоусобицами, закончившимися порабощеніемъ Россіи монгольской ордѣ? Кто, кромѣ враговъ Россіи, или безмозглыхъ доктринеровъ, можетъ предлагать планъ разчлененія, а чрезъ то и ослабленія Россіи? Когда Давидъ съ приближенными ночью прокрался въ станъ Саула, проникъ даже въ палатку послѣдняго, то Авесса просилъ позволенія у Давида заколоть спящаго Саула, этого личнаго врага и гонителя Давидова, но Давидъ воспретилъ ему, говоря: *Не убивай его, ибо кто, поднявъ руку на помазанника Господня, останется ненаказаннымъ?... Меня да не попуститъ Господь поднять руку мою на помазанника Господня* (1 Цар. 26, 9, 10). И кого же сравниваетъ съ Давидомъ священникъ Петровъ? Тѣхъ, которые рвали, топтали русскіе національные флаги, поднимали красный флагъ—символъ рѣзни и крови, поносили царя, пѣли революціонную марсельезу, издавали дикіе вопли: „крови! крови"! били и убивали осмѣливавшихся сказать слово въ защиту царя, проявлявшихъ патріотическія чувства, любовь къ Россіи и къ русскимъ, называли ихъ презрительно черносотенцами. Царь и русское правительство—Голіаѳъ; соціалисты, анархисты, революціонеры, убійцы изъ за угла, жиды и жидовствующіе враги Россіи и русскаго народа—Давидъ. Только свящ. Петровъ и могъ сдѣлать такое сравненіе.

Точно въ насмѣшку надъ самимъ собой, или надъ здравымъ смысломъ читателей свящ. Петровъ оканчиваетъ свою статью словами Христа: „Познайте истину, и истина васъ сдѣлаетъ истинно свободными. (Слова „истинно" въ этомъ евангельскомъ изреченіи нѣтъ; свящ. Петровъ восполняетъ слова Христа своими словами). Самъ то свящ. Петровъ дер-

жится ли истины; уважаетъ-ли и любитъ-ли истину? Онъ—дѣятельный сотрудникъ *Русскаго Слова*; а въ какой иной газетѣ печаталось больше лжи, особенно въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1905 года, какъ не въ *Русскомъ Словѣ*? Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты. Свящ. Петровъ перечислилъ съ полдюжины свободъ, но опустилъ еще одну—свободу лжи. Въ газетахъ, особенно либеральныхъ, ложь и прежде текла ручьями, а съ дарованіемъ свободы печати въ газетахъ, подобныхъ *Русскому Слову*, она полилась рѣками—мутными, грязными, зловонными, угрожая залить, затопить, задушить смрадомъ все живое и доброе. Для *Русскаго Слова* священникъ Петровъ—самый подходящій сотрудникъ, а для фельетоновъ Петрова *Русское Слово* — приличная газета. Пишетъ онъ много, пишетъ какъ будто съ увлеченіемъ; но при чтеніи его статей невольно вспоминаются слова, обращенныя къ герою лжи въ комедіи Грибоѣдова *Горе отъ ума:* „ври, да знай же мѣру“. Вѣдь этотъ герой тоже говорилъ съ увлеченіемъ, быть можетъ, самъ вѣря своей лжи. Ложь бываетъ и краснорѣчивая, и такая особенно опасна и вредна.

Истина освобождаетъ; но вѣдь Христосъ говоритъ о свободѣ нравственной, внутренней, духовной, а отнюдь не о свободѣ политической, или гражданской.

Это Онъ прямо разъяснилъ. На Его слова іудеямъ, что истина сдѣлаетъ ихъ свободными, если они познаютъ истину, они возразили: *Мы сѣмя Авраамово и не были рабами никому никогда; какъ же Ты говоришь: сдѣлаетесь свободными? Іисусъ отвѣчалъ имъ: истинно, истинно говорю вамъ: всякій дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха* (Іоан. 8, 32—34). Истина освобождаетъ отъ рабства грѣху, а не отъ рабства политическаго, или гражданскаго. Ни въ этомъ мѣстѣ, ни вообще когда бы то ни было ни Христосъ, ни апостолы ничего не говорили о политической, и гражданской свободѣ, о политическомъ и гражданскомъ рабствѣ. А свящ. Петровъ примѣняетъ, совершенно произвольно, слова Христа къ гражданскимъ свободамъ, которыя онъ тутъ же и перечисляетъ. О чемъ Христосъ и апостолы учили постоянно — о разскаяніи во грѣхахъ, о молитвѣ, о вѣрѣ въ Бога, о добродѣтели, о любви къ Богу и къ людямъ, о прощеніи обидъ и т. п.,—объ этомъ

свящ. Петровъ ничего не говоритъ; а о чемъ они совсѣмъ не говорили, о политической и гражданской свободѣ, объ экономическомъ состояніи народа, объ отношеніи народа къ правительству и т. п.,—объ этомъ онъ пишетъ въ газетахъ, говоритъ въ собраніяхъ, ссылаясь, притомъ, на Евангеліе. Скажутъ: теперь такое время; всѣ ждутъ отвѣтовъ на вопросы, выдвинутые самой жизнію, вопросы касательно государственнаго устройства и экономическаго состоянія народа. Можно ли и должно-ли молчать тѣмъ, кто имѣетъ даръ и обязанъ говорить и писать. Это справедливо. И мы ничего бы не сказали противъ того, если бы свящ. Петровъ, обладая познаніями по наукамъ государствовѣдѣнія, сталъ дѣлиться ими съ своими читателями.

Но онъ этихъ познаній не имѣетъ. Онъ разсуждаетъ какъ богословъ, онъ основывается на евангеліи, а евангельскія изреченія такъ же пристали къ его разглагольствіямъ о гражданскихъ свободахъ и народовластіи, какъ богатая и прекрасная одежда, одѣтая на лохмотное, грязное и вонючее бѣлье. Такое смѣшеніе истины евангельской, божественной, съ политическими и экономическими ученіями, ученіями не безспорными и пропитанными духомъ недовольства, озлобленія, борьбы и политическихъ страстей, можетъ свидѣтельствовать о чемъ угодно, но никакъ не о любви и уваженіи къ евангельской истинѣ. Свящ. Петровъ рабъ не Христа, а, повидимому, тѣхъ, которые на Крестьянскомъ Съѣздѣ въ Москвѣ называли Христа первымъ соціалистомъ и которые, подъ предлогомъ попеченія о бѣдныхъ людяхъ, готовы проливать кровь, убивать изъ за угла. Онъ — рабъ модныхъ политическихъ ученій и движеній. Онъ—рабъ моды, моды освободительнаго движенія. При рабствѣ скоропреходящему духу времени, въ которомъ, притомъ, есть что то болѣзненное, можетъ ли быть мѣсто той свободѣ, которая дается познаніемъ истины и святостію жизни?

Въ заключеніе скажемъ, что фельетонная статья свящ. Петрова, помѣщенная въ мелкой газетѣ, сама по себѣ не заслуживаетъ разбора. Если тѣмъ не менѣе мы сдѣлали разборъ ея, то по двумъ причинамъ. Во 1-хъ, Петровъ приписываетъ къ своей фамиліи свое званіе „священникъ“, а это придаетъ его статьямъ совсѣмъ особое значеніе. Во 2-хъ,

теперь какая-то мода ссылаться кстати и не кстати при обсужденіи и рѣшеніи политическихъ вопросовъ на Евангеліе, такъ что статья свящ. Петрова типична для настоящаго времени.

А главное, важны, особенно въ настоящее время, самые вопросы, обсуждаемые въ нашей статьѣ, безъ отношенія къ тому, кто и какъ ихъ рѣшаетъ.

Библиотека Отд
Академии Наук СССР

Цѣна 20 коп., съ перес. 25 коп.

Продается въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (Гостинный дворъ), въ Москвѣ въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ; у автора въ Сергіевомъ Посадѣ по адресу: *профессору Александру Дмитріевичу Бѣляеву.*

Тамъ же продаются другія его сочиненія:

1) Любовь Божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви Божіей. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Эта книга рекомендована въ библіотеки духовныхъ семинарій, гражданскихъ гимназій и кадетскихъ корпусовъ Учеными Комитетами подлежащихъ вѣдомствъ.

2) О безбожіи и антихристѣ. Т. 1-й: Подготовленіе, признаки и время пришествія антихриста. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Отъ Св. Синода эта книга удостоена полной преміи митрополита Макарія.

3) Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ для религіознаго развитія этихъ группъ народовъ. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

4) О соединеніи церквей. Ц. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

5) Очерки современной умственной жизни. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

6) Характеристика археологіи. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

7) Значеніе повѣствованія пророка Моисея о сотвореніи человѣка. Ц. 25 к., съ перес. 30 коп.

8) Протоіерей А. В. Горскій, Ректоръ Московской Духовной Академіи. Біографическій очеркъ, съ портретомъ. Ц. 10 коп. съ перес.

9) Буры и Кальвинизмъ. Ц. 20 к. съ перес.
